

ВЕРОНИКА ЛЕСНЕВСКАЯ

ВЛЮБИШЬСЯ!

ЖЕНА НА 9 МЕСЯЦЕВ

Вероника Лесневская Влюбишься! Жена на девять месяцев

<https://litres.ru/74420013>

Аннотация

- Ты беременна, Тая. От меня, - произносит Яр ледяным тоном.
- Так вышло, смирись. - Почему тогда я об этом не знаю? - нервно смеюсь, но спотыкаюсь о его непроницаемый взгляд. - Тебе не кажется, что такую новость обычно девушка сообщает парню, а не наоборот? - Я не виноват, что ты невнимательная и... забывчивая. Одна ночь. Провал в памяти. Томное, туманное утро. «Ничего не было»... Сегодня он явился на мою свадьбу, чтобы похитить меня из-под венца. Оставил свою фамилию в свидетельстве о браке, а напоследок заявил, что я жду от него ребенка. - Почему ты не сказал? - Ты так страдала из-за того, что целовалась с таксистом... Я решил не уточнять, что ты еще и ночь со мной провела, - выплевывает с сарказмом, будто я оскорбила его мужское достоинство. До этого дня я думала, что Яр – простой разнорабочий лыжной базы, а он оказался... боссом всего курорта, которого отец попросил присматривать за мной. - Какой же ты... Невоспитанный грубиян, паяц и абсолютно не в моем вкусе, - выпаливаю прямо ему в глаза. - Я никогда не стану твоей женой. - Ты капризная папина дочка с дрянным характером,

- парирует он жестко. - Но в нашей семье мужчины детей не бросают, поэтому ты УЖЕ моя законная жена. Как минимум, на девять месяцев.

✎ Читайте также историю Славы и Арса - "Обручимся? Влюблен без памяти"

✎ История Власа - "Диагноз: так себе папа"

✎ История Тихона - "Семейное положение: папа-дикарь"

Содержание

Пролог	5
Глава 1	14
Глава 2	23
Глава 3	29
Глава 4	38
Глава 5	43
Глава 6	51
Глава 7	62
Глава 8	74
Глава 9	84
Глава 10	94
Глава 11	106
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Пролог

- Согласны ли вы, невеста...

- Нет, - перебиваю патетичную речь ведущей, и рука с невероятно тяжелым, вычурным свадебным букетом повисает вдоль тела.

В стеклянном иглу ресторана воцаряется гробовая тишина. Слышно, как снежинки падают на прозрачный купол. Как рвется мое дыхание. Как удивленно кашляет отец в толпе высокопоставленных гостей. И как от злости скрипят зубы Глеба – моего жениха.

- Что ты сказала, Тая? – забыв снять с лица неестественную улыбку, цедит он.

- Нет, - повторяю тихо, но твердо. Опустив взгляд в кристально чистый, сияющий пол, я усмехаюсь своему отражению в плитке и продолжаю шепотом: – Ты мне изменяешь. Регулярно.

- И что? Это же было до свадьбы, - невозмутимо отмывается он, берет меня за руку, чтобы не сбежала, и громко приказывает опешившей регистраторше: - Продолжайте! Невеста перенервничала, все в порядке. Не отвлекайтесь.

Не успеваю открыть рот, чтобы возмутиться, как она бойко тараторит:

- Согласны ли вы, жених...

- Да-да, - без энтузиазма повторяет Глеб.

Мимо нашего иглу с ревом пролетает снегоход, на секунды заглушая бешеный речитатив ведущей. Она старается выслужиться сразу перед двумя богатыми семьями, которые сегодня решили объединить капиталы и закрепить сделку самой прочной, по их мнению, печатью – союзом своих детей. Прошлый век? Нет, меркантильная необходимость и желание перестраховаться.

Расслабляю ладонь, которая вспотела в липкой хватке Глеба, и прекращаю вырываться. Нет смысла. Я борюсь с ветряными мельницами.

Брачный договор заключен и проверен юристами вдоль и поперек, свидетельство тоже готовили заранее, как и штампы в паспортах. Мы с Глебом должны быть расписаны еще вчера. Все, что происходит сейчас под свадебной аркой с фамилией «Макеевы» - не более чем торжественная часть. Другими словами, фарс для гостей.

Мой отказ ничего не решает. Ведущая игнорирует его, уткнувшись в папку, и, как робот - голосовой помощник, пафосно зачитывает готовый текст.

- Семье присваивается фамилия... Салтыковы, - радостно объявляет она, а наши лица синхронно вытягиваются в удивлении. По залу разносятся недоуменные шепотки и нервный смех. - Поздравляю!

С приклеенной улыбкой регистратор вручает нам свидетельство о браке, словно хочет скорее сбросить с себя непосильную ношу, и смачно захлопывает папку, с трудом пода-

вив вздох облегчения.

Музыка становится громче, объявляют первый танец жениха и невесты, но Глеб впивается хмурым взглядом в текст на бланке.

- Не понял. Это не моя фамилия, - сообщает очевидное и яростно косится на меня. – Когда ты успела выскочить замуж за владельца этой базы?

- Что? Я? – прижимаю букет к груди, оскорбленная его обвинением. – Да я его в глаза не видела! Салтыков так ни разу и не появился на работе. Понятия не имею, как он выглядит и почему...

Глеб оглядывается в поисках группы поддержки в виде своей обожаемой маменьки. Я невозмутимо стою на месте, лениво обрывая лепестки белых розочек.

- Объявляю вас мужем и женой, - спохватившись, добавляет ведущая, пытаясь перекричать звуки свадебного вальса. - Поздравьте друг друга поцелуем!

- Стоп! – гремит со стороны дверей. – Слюни прочь от моей жены! У нас рокировка, - долетает насмешливо, и я мгновенно узнаю этот тон.

Сердце совершает кульбит в груди под тугим корсетом – и замирает.

Он что здесь забыл?

Осторожно оборачиваюсь.

Взгляды всех собравшихся направлены на алую дорожку между рядами. Совсем недавно мы шли по ней с Глебом к

алтарю, а сейчас по нашим следам вразвалку шагает бугай в лыжном костюме, пачкает пол талым снегом и беспощадно топчет ботинками нежные лепестки роз. Половина лица прикрыта тугим шарфом, светлые волосы взъерошены и усыпаны мокрыми снежинками, хитрые, прищуренные голубые глаза устремлены на меня.

Он победно улыбается – вижу это по дьявольским огонькам на дне его зрачков – и подходит ближе, пользуясь всеобщим замешательством.

Шаг. Еще один.

Становится вплотную ко мне. В нос проникают запахи еловых шишек, острого перца и машинного масла. Будоражат неуместные воспоминания, которые я лихорадочно отгоняю от себя.

Как его вообще охрана пропустила?

- Что ты... - шиплю на него, в то время как расстояние между нашими лицами стремительно сокращается.

Усмехнувшись, он спускает с лица шарф, грубо притягивает меня за талию и врезается в мои губы поцелуем. Как завоеватель.

- Горько? – неуверенно лепечет ведущая, окончательно потеряв нить событий. – Горько!

Гости со стороны жениха оскорбленно ахают и ругаются, а наши – шокировано молчат.

Грядет большой скандал, но я ни о чем не могу думать, кроме мужских горячих губ, терзающих меня у всех на виду.

Жадно, неистово, на пороге пошлости.

Сгораю то ли от стыда, то ли от животного напора. Прикрываю глаза, чтобы его не видеть, и не замечаю, в какой момент сдаюсь и сама ему отвечаю. Поцелуй становится глубже, стирая грани всех норм и приличий. Я задыхаюсь, а он пьет меня вместо кислорода.

- Салтыков, мать твою! Это как понимать? – грозно ревет мой отец.

Широко распахиваю глаза, мычу в пожирающий меня рот и упираюсь ладонями в напряженные плечи.

Салтыков? Хозяин курорта?

Здесь явно какая-то ошибка!

Этот мужлан – обычный разнорабочий лыжной базы, с которым мы случайно провели ночь в одном домике. Нас ничего не связывает, кроме жгучего чувства стыда. Он не может оказаться тем самым боссом, который должен был присмотреть за мной по папиной просьбе и помочь на работе, но даже не соизволил со мной познакомиться.

Или все-таки...

- Салтыков, отойди от моей дочери!

Ох, нет...

Я кусаю его за губу – и он нагло отвечает мне тем же. С неприличным причмокиванием отрывается от меня, перекладывает руку на мою талию, по-хозяйски прижимая к себе, и лениво окидывает равнодушным взглядом толпу гостей.

- Влас Эдуардович, - поворачивается к моему отцу, а на

дне его зрачков пляшут черти. - Па-апа! – тянет с широкой улыбкой.

- Ты озверел, Яр? – рычит тот, ослабляя тугой галстук на мощной шее. Напрягается весь, злится. – Ты понимаешь, что после такого финта я разорву все контракты с вашей семьей! Инвестиции в базу будут прекращены. Да я вас по миру пу-щу!

- Я оценил риски, - без тени страха роняет Салтыков. – Жаль, конечно, наш проект, но... невеста беременна, так что я, как честный человек, обязан на ней жениться. Что я, собственно, и сделал. Папа, - специально повторяет, выводя его из равновесия.

- Ты шутишь? – шиплю на лжеца. – Я не беременна.

Вместо ответа – хитрая ухмылка, будто Яр знает больше, чем я.

- Что-о? – взрывается отец. - Таисия, поясни!

- Пап, он шутит! – твердо чеканю.

- Нет, я серьезно. Поздравляю, Влас Эдуардович, вы скоро станете дедом, - ввергает его в шок. Заодно и меня тоже. – А сейчас, прошу прощения, у нас первая брачная ночь, которая, правда, уже не первая, и медовый месяц. Ариведерчи, дамы и господа.

Осмотревшись, он выхватывает у растерявшегося Глеба документы. Быстро пробежав глазами свидетельство о браке, удовлетворенно хмыкает и прячет его во внутренний карман лыжной куртки. Берет меня за руку, сплетая наши пальцы в

замок, ведет по дорожке к выходу. У нас словно свадебный марш в обратной перемотке.

- Что ты несешь, Яр?

Я дергаю рукой, пытаюсь высвободиться, но тщетно. Я в капкане. Путаюсь в длинной юбке свадебного платья, спотыкаюсь и чуть не падаю, врезавшись в широкую спину Яра.

- Хм, пожалуй, тебя...

Резко развернувшись, он наклоняется и одним рывком закидывает меня себе на плечо. Ускоряет шаг, игнорируя ругательства отца и возгласы гостей.

Охрана преграждает нам путь, теряется и не знает, как поступить, оказавшись между двух огней. С одной стороны – хозяин курорта, а с другой – его инвестор.

- Отбой, парни, дела семейные, - спокойно бросает Салтыков, будто и правда ничего сверхъестественного не происходит.

Подумаешь, невесту похищают! Дань традициям...

Секьюрити расступаются, и Салтыков беспрепятственно выносит меня из зала. Забаррикадировав за нами дверь, наконец-то опускает меня на ноги. Толкает к гардеробной. Достает из спортивной сумки такой же костюм, как у него, только меньшего размера, бросает мне.

- Одевайся!

- И не подумаю, - фыркаю строптиво. - Зачем ты солгал всем, Яр? Ты опозорил меня перед семьей!

- Ты беременна, Тая. От меня, - негромко произносит он

ледяным тоном. Мороз пробегает по коже. - Так вышло, сми-
рись.

- Почему тогда я об этом не знаю? – нервно смеюсь, но спотыкаюсь о его непроницаемый взгляд. - Тебе не кажется, что такую новость обычно девушка сообщает парню, а не на-
оборот?

- Я не виноват, что ты невнимательная и... забывчивая.

Одна ночь. Провал в памяти. Томное, туманное утро.

«Ничего не было»...

- Ты с ума сошел, - лепечу сипло, в то время как Яр сажает меня на пуфик, чтобы силком натянуть мне на ноги теплые, дутые штаны. - Мне вообще нельзя рожать! Я больна...

- Вылечим, - он становится на одно колено, задирает мое платье и обхватывает тонкую лодыжку горячими ладонями, обжигая кожу сквозь тонкий капрон белых чулок. Бесцеремонно скользит вверх к бедру. – Хм, симпатично, - хмыкает, оттянув пальцем подвязку.

- Ты обещал меня не трогать! А наутро заверил, что между нами ничего не было, - продолжаю сокрушаться, а он бесстыдно лапает меня, перед тем как одеть. – Почему ты не сказал?

- Ты так страдала из-за того, что целовалась с таксистом... Я решил не уточнять, что ты еще и ночь со мной провела, - выплевывает с сарказмом, будто я оскорбила его мужское достоинство. – Я тоже не сразу вспомнил, что произошло, а потом надеялся – пронесет. Однако мои «бойцы» решили

иначе.

- Какой же ты... - с разочарованным стоном закрываю лицо ладонями. - Невоспитанный грубиян, паяц и абсолютно не в моем вкусе, - убираю руки, что выпалить ему прямо в глаза: - Я никогда не стану твоей женой.

- Ты капризная папина дочка с дрянным характером, - парирует он жестко, поднимаясь с пола и нависая скалой надо мной. - Но в нашей семье мужчины детей не бросают, поэтому ты УЖЕ моя законная жена. Как минимум, на девять месяцев.

Глава 1

За месяц до свадьбы...

Таисия

Говорят, красные трусы на люстре – к деньгам. Но что если это чужие женские стринги, задорно повисшие на зеркале в коридоре?

Брезгливо поморщившись, я заглядываю в ванную и тут же захожусь в кашле от удушающего запаха приторных духов, которыми пропитался воздух. Неудачная реплика.

Переступаю через разбросанные по полу лабутены. Тоже подделка, как в старом пошлом клипе. А вот и те самые "офигительные штаны". Правда, принадлежат они, судя по всему, моему будущему мужу.

- На выставке Ван Гога, - напеваю себе под нос, шагая дальше, не разуваясь, - я главный экспонат...

Я толкаю дверь в спальню, и женский смех обрывается.

Немая сцена. Глеб без штанов, которые потерял в коридоре, и незнакомая девица в неглиже, зато с бокалом. В романтической обстановке они вместе встречают рассвет (правда, в час дня) на брачном ложе. Но есть нюанс – жених перепутал невесту с другой.

Роковая случайность? Жестокая подстава от конкурентов? Бес попутал?

Интересно, как он будет оправдываться на этот раз?

- Ох, черт, Тая! – сдавленно выругавшись, Глеб бесцеремонно спихивает любовницу с постели, будто ему ее подкинули.

- Ой, - пищит она, подавившись вином. В полете опрокидывает бокал, заливая шелковые простыни красным полусладким. Укутавшись в одеяло, гусеницей отползает к выходу.

- Это совсем не то, что ты подумала, - бросает жених дежурную фразу, в то время как за его очередной бабой захлопывается дверь. – Я все объясню.

- Избавь меня от своих очешуительных историй, сказочник, - отмахнувшись, я невозмутимо направляюсь к шкафу. – Давай отцу твоему позвоним, и ты ему все расскажешь? Уверена, он с интересом послушает о постельных подвигах своего сына...

- Окей, а потом наберем твоего, - нагло парирует он, утопая в залитых алкоголем подушках. – Откроем Власу Эдуардовичу твой маленький секрет, после чего он проверит все переводы, заблокирует кредитки, обрубит финансирование, а напоследок отправит тебя в ссылку за границу. И ты больше никогда ее не увидишь...

- Уел, - не оборачиваясь, я грубо осекаю его на половине фразы.

Судорожными, нервными движениями перебираю зимнюю верхнюю одежду на вешалках. Достая норковую шубу, понимаю, что это слишком пафосно для лыжной базы в бо-

гом забытом месте, и прячу обратно в чехол. Наверное, лучше купить что-нибудь проще, удобнее и теплее. Но времени нет... До вылета осталось несколько часов, а я даже чемодан толком не собрала. Кстати, где он?

– Глеб, но ты ведь знаешь, что в брачном контракте будет прописан пункт об изменах, - размышляю вслух, наклоняясь к нижней полке. - И нарушу его точно не я...

- И не я, - усмехается он, поднимается с постели и крадется ко мне сзади. Укладывает руки мне на талию, но я с отвращением сбрасываю их. – После свадьбы я стану идеальным, верным супругом.

- Верится с трудом, - выпрямляюсь, почувствовав его ладонь сильно ниже спины.

- Таюша-а, - рокошет он мне в затылок. – У нас же целибат. Ты хранишь невинность до свадьбы. Мне нельзя тебя трогать без штампа в паспорте, иначе Влас Эдуардович обещал яйца оторвать. На альтернативные способы... кхм-кхм... ты не соглашаешься. Спасаясь, как умею. Тебе будет легче, если я скажу, что всегда представляю тебя? – его дыхание учащается. – Правда, я тебя даже голой никогда не видел... Та-ая...

Резко разворачиваюсь, и мы оказываемся лицом к лицу. Глеб наклоняется, тянется ко мне. Могу поспорить, он собирается поцеловать меня. После этой на лабутенах...

- От тебя разит дешевыми женскими духами. Единственное, что я могу показать тебе при таких вводных – содержимое моего желудка.

- Обойдусь, - закатывает глаза и отшатывается. - Зачем приехала?

- Во-первых, этот дом купили наши родители, - кидаю с вызовом. - Для нас! Мы должны переехать сюда сразу после свадьбы.

- Ну, и? – равнодушно тянет он.

- Что «и»? Дом предназначен явно не для того, чтобы ты сюда своих грязных баб таскал. Мы готовимся к заселению, начали перевозить вещи, а ты...

- Больше не повторится, обещаю, - пылко заверяет. Опять лжет. – У тебя нюх, Тая, или женская интуиция. Ты всюду меня находишь.

- Фигово скрываешься, - бубню себе под нос, вытаскивая большой чемодан. На автомате хочу бросить его на постель, но в последний момент вспоминаю, чем там только что занимался мой жених, и оставляю на полу. - Во-вторых, у нас сегодня самолет.

- Куда?

- В Магадан...

- Шутишь?

Встречаемся взглядами. В его полупьяных глазах – искреннее недоумение, в моих – горькая насмешка. Похоже, я лечу одна.

- Я сама не в восторге, но мой отец инвестирует в новый проект в области. Какой-то современный лыжный курорт... Кстати, именно там мы с тобой будем отмечать тор-

жественное бракосочетание, - транслирую информацию, полученную от папы, как старый телевизор с помехами.

Глеб кривится, превращаясь в засохший сморщенный лимон, и лениво прохаживается по комнате.

- Свадьба нескоро. Что нам делать на этом Магаданском курорте так рано? – выплевывает с пренебрежением. – В день регистрации и полетим.

- Отец решил, что мне пора приобщаться к труду и немного поработать на благо семьи. Так что пока в институте каникулы, я буду проходить практику на лыжной базе.

- Пф, какой из тебя работник? – хохочет он издевательски. – Паспорт только недавно получила, а туда же... Бизнес-леди, - закатывает глаза. – Вот поженимся, и... - осекается на полуслове, так и не договорив, что со мной будет потом.

Глеб старше, опытнее. Наследник крупной компании, которая достанется ему от богатых родителей. Завидный жених, к ногам которого девушки падают штабелями. Одна из них недавно выползла из спальни.

Я – единственный ребенок в семье, совершенно не приспособленный к жизни. Так считает отец, который с восьми лет воспитывает меня один. Он был идеальным папой, заботливым и внимательным, но полгода назад его будто подменили. В экстренном порядке он переписал на мое имя все имущество и активы, а теперь одержим идеей пристроить меня в хорошие руки, как породистого щенка. Миссия практически невыполнима, если учесть мои генетические особенно-

сти, которые я тщательно скрываю, в том числе и от Глеба.

- Мне скоро девятнадцать, - цежу сквозь зубы, пакуя в чемодан зимнюю куртку оверсайз. – Но да, отец хотел, чтобы ты меня подстраховал. Правда, он не в курсе, что даже в снегах на бескрайнем севере ты будешь баб себе искать.

- Ну, Тая, я же извинился, - легко пожимает плечами, будто не изменил мне, а всего лишь посуду не помыл или стульчак в туалете обмочил. – Я исправлюсь.

- Я так поняла, ты остаешься? - стреляю в него прищуренным взглядом. Если честно, не хочу его видеть и общаться с ним после того, что было в этой спальне пять минут назад.

- Давай я через пару дней прилечу, а? – умоляюще складывает ладони перед собой. – Я занят буду.

- Догадываюсь, чем, - с разочарованием поднимаюсь с пола, хватаю чемодан за ручку и разворачиваюсь к выходу.

- Нет, Таюша, что ты! Надеюсь, это останется только между нами! – летит мне спину, но я с грохотом захлопываю дверь, отсекая себя от его жалких потуг договориться.

К черту!

Разрешаю себе заплакать только в тот момент, когда мой самолет отрывается от земли и взмывает в небо. Неотрывно смотрю в иллюминатор, но ничего не различаю за толстым стеклом. Очертания родного города растворяются в густых облаках. Пелена слез перед глазами становится гуще, влага съедает макияж, который я долго и скрупулезно накладывала перед вылетом. Позволяю себе немного побыть собой. И

не замечаю, как отключаюсь, измученная болью предательства и страхом перед неизвестностью.

Мне снится мама. Она обнимает меня, покачивает в руках и нашептывает что-то ласковое.

«Все мужики – козлы и предатели!» - кричит неожиданно, и у меня закладывает уши.

Просыпаюсь от встряски и пугающего ощущения свободного падения. Широко распахнув глаза, я судорожно хватаю ртом воздух, пока, наконец, не осознаю, что в очередной раз попала в ловушку турбулентности.

Мы идем на посадку. За окном темно, как ночью, пасмурно и метет снег. Дико хочется вернуться в Москву, но я собираю волю в кулак, в спешке поправляю макияж, чтобы вместе с остальными пассажирами спуститься по трапу самолета. Иду с гордо поднятой головой. Навстречу ледяному ветру, который бьет в лицо и пронзает кожу миллионами иголок.

Стоит мне ступить на землю, как раздается звонок телефона. С трудом различаю в гуле выюги голос отца.

- Дочь, как вы долетели?

- Без приключений. Пока что... - вздрагиваю от холода. Обматываю шею шарфом, плотнее кутаюсь в шубу, на которой все-таки остановила свой выбор. Лучше слыть высокомерной снобкой, чем замерзнуть в сугробах. - И я одна, Глеб не смог, - признаюсь, спотыкаясь на невысоких каблуках.

- Какого хрена? – рычит отец, не сдерживая ругательств.

- Я ему позвоню!

- Все в порядке, пап, я девочка взрослая, - бубню и сама себе не верю. - Не потеряюсь.

- Не волнуйся, тебя должны встретить. Салтыков обещал прислать кого-то из своих ребят. Жди!

Всматриваюсь в снежную мглу, где появляется внушительный силуэт внедорожника. С грозным ревом черный «Патриот» движется прямо на меня. Нагло, смело, не снижая скорости. Надеюсь, тормоза не откажут...

- Кажется, за мной уже приехали, - обреченно выдыхаю вместе с клубком пара.

- Все хорошо? – шелестит в трубке. Отец волнуется, будто чувствует неладное.

- Конечно, пап, - выжимаю из себя улыбку, которую он обязательно уловит в моей интонации. - Давай до связи.

Поежившись, я натягиваю шарф на замерзшее лицо и растерянно наблюдаю, как зверюга отечественного автопрома совершает чуть ли не полицейский разворот, чтобы пафосно припарковаться боком ко мне. Стекло со стороны водителя опускается, и из салона выглядывает блондин, одетый так небрежно, будто сам только что из-под машины.

Он нахально кружит по мне взглядом, изучая каждую деталь, и снисходительно ухмыляется. У них здесь все такие беспардонные или только таксисты?

- Воронцова? – нагло выкрикивает, как на переключке в школе. Коротко киваю. - Карета подана, мадемуазель.

Нажимает кнопку, чтобы открыть багажник, а сам вальяжно откидывается на спинку кресла, скрестив руки на груди.

Даже так?

Глава 2

- У меня чемодан, – цежу сквозь зубы, не успев скрыть стервозные нотки.

В ответ – ноль реакции. Редкостный мужлан. Между нами вспыхивает неприязнь с первого взгляда.

- Рад за вас, - издевательски тянет он, не двигаясь с места. - Очень правильное решение, особенно если вы использовали его по назначению и сложили туда теплые вещи. Зима здесь холодная, суровая... Впрочем, - косится на мои каблукки, чтобы продолжить: - Если в чемодане такая же непрактичная одежда, как на вас, то можете смело оставить его на парковке. Он тупо не пригодится. Здесь не модельный подиум, дефилировать будете разве что перед белыми медведями, а они зрители неблагодарные.

- Мой гардероб не должен вас беспокоить. Вам платят не за это, - надменно осекаю его.

Вижу, как взлетают его светлые густые брови, и, могу поспорить, что слышу гневное поскрипывание зубов. Какой ранимый водитель мне попался! Секунду спустя, как по щелчку пальцев, он возвращает себе самообладание, спрятав эмоции под маской невежи.

- Я спокоен, как удав, а вам пора бы начать тревожиться, - хмыкает он. – Если через минуту вы не сядете в машину, то начнется необратимый процесс отмерзания вашей пятой

точки. А еще через три я устану ждать и просто уеду. Время пошло...

Я вежливая, воспитанная, тактичная, но сейчас мои манеры дают сбой. Впервые в обычном таксисте меня раздражает все: бесстыжий взгляд, небрежная прическа, расхлябанный внешний вид, глубокий бас, который вряд ли может транслировать что-то, кроме грубости и мата, расслабленная поза, будто весь мир должен пасть к колесам его «Патриота».

На дух не переносу хамов! Дело не в его профессии, которая накладывает свой отпечаток, и не в социальном положении. Можно не иметь больших денег, но оставаться человеком и... настоящим мужчиной. А этот ленивый экземпляр, похоже, проспал ступень эволюции и застрял в первобытно-общинном строе.

- Неандерталец, - фыркаю себе под нос.

В сердцах я слишком резко дергаю чемодан за ручку, и колесики западают. Приходится тащить его за собой по снегу. Тяжело, но на поклон к таксисту не пойду. Принципиально. Надеюсь, мы пересеклись в первый и последний раз, а потом его уволят. У моего отца такие горе-работники долго не задерживаются.

- Подожди, - летит мне в спину вместе с жестким порывом ветра, который чуть не сбивает с ног.

Позади хлопает дверь, хрустит снег под тяжестью мужских шагов, раздаётся тяжелое, рычащее дыхание, будто меня преследует зверь.

Неужели одумался? Или испугался выговора, в случае если я напишу на него жалобу? А может, в недрах его души, под шкурой австралопитека наконец-то проснулся мужчина?

Поздно! Я завелась, включила турбо-режим «Я сама» – и теперь мчусь наперегонки с ветром, не оборачиваясь. По-скальзываюсь на островке льда, подворачиваю ногу – и меня уносит назад. Не остановиться, словно еду с горки. Выпускаю чемодан, взмахиваю ладонями в воздухе, но вряд ли меня это спасет.

Готовлюсь встретиться с асфальтом, приложиться затылком и лежать, считая звездочки перед глазами, а напоследок захлебнуться под очередной волной отборного сарказма от водителя, но вместо этого оказываюсь в теплых мужских объятиях.

Я впечатана спиной в твердый торс, зафиксирована и обездвижена. Под грудью скрещены его руки. В замок. Амбарный.

Не выбраться.

Поймал... Почему не отпускает?

- Цела? – жаром обдаёт макушку. Меховой капюшон слетел с головы во время падения, и сейчас чужое горячее дыхание бесцеремонно треплет мои разметавшиеся по плечам пряди.

- Угу, - бурчу, балансируя на каблуках, а ноги будто болтаются в воздухе, в то время как тело заковано в крепкой хватке.

Восстановив равновесие, оглядываюсь на большого Ёети. Наши лица слишком близко. Мне это не нравится. Ему – тоже.

Отстраняемся друг от друга, как по команде. Я оттряхиваю шубу. Он оставляет на мне свой горько-острый запах, который впитался в волосы и будто проник под кожу. Теперь будет преследовать меня, пока не приму ванну.

Боже, я только прилетела, а уже хочется домой! Под душ и в теплую постельку. Но вместо этого меня ждет адская практика. В какой момент моя жизнь совершила поворот не туда?

- Понабирают по объявлению, - выплевывает он с сарказмом, будто подслушав мои мысли. Придерживает меня одной рукой за талию, а свободной - подхватывает мой чемодан и легким движением закидывает его в багажник. - Ты как работать у нас собралась, чудо? – тяжело вздыхает, с показным сочувствием покачивая головой.

- Не ваше дело, - рывкаю ему в лицо.

- Не шипи, принцесса, - ухмыляется, облокотившись о машину. - Согласен, я немного перегнул палку. Воспитатель из меня так себе. Педагогика не мое призвание. Представляешь, как сложно нам с тобой придется?

- Нам? – выгибаю бровь. Не понимаю, к чему ведет этот мужлан в потертой куртке. Что у нас вообще может быть с ним общего?

Он чокнутый? Отвезет меня в лес – и оставит там под елкой. Прикопать бездыханное тело не сможет – земля замерз-

шая.

Отмахиваюсь от буйных фантазий. Папа же сказал, что Салтыков пришлет своих людей. Значит, ему можно доверять. Правда, мог бы кого-нибудь попримечнее выбрать...

- Признай... тебе же самой это не надо, - на удивление мягко убеждает меня таксист, пока я растерянно хлопаю ресницами. - Давай договоримся так. Завтра берем тебе билет на самолет, и ты возвращаешься домой. Скажешь, что не справилась. И волки сыты... и одна белобрысая овца целая, - ехидно подмигивает, намекая на меня.

- Что вы себе позволяете? – сама захлопываю багажник, едва не перебив ему пальцы. В последний момент он успевает отдернуть руку. Хмурится, с опаской косится на меня, потирая кисть. – Вы кто такой? Извозчик? Вот и везите, куда приказали!

- Чего-о? – ревет возмущенно.

Жаль, что не вижу его вытянутого, оскорбленного лица в этот момент, потому что разворачиваюсь и гордо шагаю к передней пассажирской двери. Сама открываю, больше не надеясь на галантность этого вышедшего из леса Йети, ныряю в салон и, нахохлившись, вжимаюсь в спинку кресла.

Вскоре он ко мне присоединяется. Падает на водительское место, гремит дверцей. Дышит шумно, часто, будто извергает пламя, как дракон. Заводит двигатель, и он тут же глохнет.

- У вас права хоть есть? – подначиваю его, но тут же жалею

о проявленной дерзости.

Потемневший взгляд убивает. Желваки играют на скулах, губы сжаты в тонкую нить.

Разозлился...

- Едешь... молча! – отрывисто приказывает он и срывается с места, как бешеный. - Пристегнись, чтобы я тебя не потерял по дороге. Хотя было бы неплохо, - добавляет тихо.

Поборов заедающий ремень, я сажусь смирно и складываю ладони на коленях, как школьница.

Боковым зрением слежу за разъяренным Йети, но на прямой зрительный контакт не решаюсь. Держу язык за зубами, чтобы не лишиться его.

Тревожно...

Если у них такие таксисты борзые, то какой тогда сам босс?

Глава 3

Ранее...

Ярослав

- Ярослав Владимирович, сексом надо с девушками заниматься, а не со снегоходами, - насмешливо грохочет сверху, отвлекая меня от ремонта, и я запрокидываю голову в поисках источника звука. Заранее знаю, кому принадлежит этот ехидный голос. - А ты опять все перепутал. Элементарным вещам тебя учить приходится, младший босс.

Смазав гусеницы, отталкиваюсь от снегохода и ловко подсакиваю на ноги. С улыбкой поворачиваюсь к гостю, который кажется пришельцем среди бардака в нашем старом, пыльном гараже. Он в пальто с иголки, слегка припорошенном снегом, идеальных брюках и сияющих ботинках, а я одет как рабочий. Босс из народа. Впрочем, так и есть. Не привык я к пафосу и лоску. Наверное, горбатого могила исправит.

Другое дело - Арсений Высоцкий – крупный московский бизнесмен, владелец сети отелей и по совместительству муж моей сестры. Именно он поверил в меня шесть лет назад, когда я еще был зеленым студентом, взял мой проект в работу и спустя годы помог построить горнолыжный курорт. Слишком громкое название для того, что имеется на данный момент, но перспективы у нас грандиозные. Я обязан Арсу

всем, что у меня есть. Сам бы я не справился. Конечно, впереди еще много работы, планов и задач выше горы, но начало положено.

- Ну, здравствуй.

Он переступает детали и инструменты, разбросанные по полу, вразвалку шагает ко мне и протягивает ладонь.

- Арс? Привет, – машинально пожимаю ему руку, пачкая маслом.

Поморщившись, он снисходительно качает головой, хватая тряпку с верстака и, небрежно промокнув свои пальцы, с размаха бросает ее мне. Ловлю на лету, усмехаюсь и сосредоточенно стираю темно-коричневые следы с огрубелой кожи.

- Как у тебя дела на базе, чумазый?

- Туристы есть, курорт растет, стройка идет... Но ты ведь и так об этом знаешь – я присылаю подробные отчеты и сметы каждый месяц. Явился ты не за этим, - прищуриваюсь с подозрением. - Какими судьбами в наших богом забытых краях? Ты оставил Славку с дочкой в суровой столице одних. Примчался без предупреждения. Подшучиваешь с порога, - размышляю вслух, чтобы с обреченным вздохом сделать единственный верный вывод: - Пахнет какой-то глубокой задницей.

- Поприветствовал ты родственника, Яр! От души! Обложил комплиментами, - смеется он, но тут же принимает серьезное выражение лица. – Надо поговорить. Надеюсь, у тебя

наконец-то появился кабинет? Или ты совещания по-прежнему на складе с лыжами проводишь?

- Идем, - хмуро бурчу, взмахнув рукой.

Вспомнив о тряпке, оборачиваюсь и запускаю ее в Арса. Она пролетает четко над его плечом, ложится на край столешницы, как будто там и была. Лениво проследив за ее траекторией, Высоцкий цокает, закатывая глаза, похлопывает меня по спине и нагло выталкивает из собственного гаража.

- Итак, что случилось? – нервно тороплю его, когда мы оказываемся в кабинете.

Арсений по-хозяйски осматривает небольшое помещение с минимумом мебели, прохаживается по деревянному полу под аккомпанемент скрипа половиц, подходит к окну, откуда открывается вид на лыжную трассу. Спрятав руки в карманы, смотрит вдаль, будто специально нагнетает обстановку и испытывает меня на прочность.

- Арс? – напоминаю о себе, приближаясь к нему со спины.

- Без этого никак нельзя? – он кивает на террариум в углу, где за стеклом ползет по коряге птицевед.

- Это Саныч, знакомься.

Приоткрыв крышку, я насыпаю пауку специальный корм. Высоцкий передергивает плечами и отшатывается, едва не перекрестившись.

- Воздержусь, - закашливается и садится за стол. - Лучше бы ты, как раньше, муравьев разводил в формикарии.

- Совсем нет на это времени. За ними уход нужен, а этот

товарищ самостоятельный. Если забуду накормить, он сам себе еду найдет. Благо, база не пустует, - говорю невозмутимо, наблюдая, как его брови ползут на лоб. - Шутка. Саныч безобидный... когда сытый, - добавляю зловеще. – Говори, зачем приехал, Арс! – не выдержав, повышаю голос.

- Что-то ты дерганый, - победно ухмыляется он. Доведя меня до точки кипения, откидывается на спинку стула, который жалобно стонет под ним. – У меня есть две новости...

- Начинай с плохой.

- Хочу с хорошей, - упрямо отмахивается. – Помнишь проект отеля стеклянных иглу?

- Хм, ты еще спрашиваешь, - с интересом подаюсь вперед. – Я же его и предложил. Это моя мечта. Жаль, что стеклянные домики слишком дорого нам обойдутся.

- Мы сможем реализовать эту идею уже в этом году, - бросает, как кость собаке, и умолкает в ожидании моей реакции. Тем временем у меня слюни в два ручья, но... я мысленно подбираю их, чувствуя подвох.

- Арс, ты ограбил Мировой банк?

- Лучше. Я нашел инвестора, - и по слогам чеканит: - Влас Воронцов согласен спонсировать твой проект. Ему он понравился.

- Что ж, - делаю глубокий вдох, подавляя рвущиеся из груди эмоции. - По закону подлости, сейчас ты должен озвучить плохую новость.

- Я бы не сказал, что она ужасная. Так, мелкие неудобства.

Уверен, ты справишься, - спотыкается о мой напряженный взгляд и выпаливает: - К нам прилетит его дочка.

- Супер, дети – цветы жизни. Но у нас нет бэйби-комнаты и аниматоров, - показательно развожу руками.

- Ей почти девятнадцать, Яр.

- М... - дергаю кадыком. – И что мне прикажешь с ней делать? Жениться?

- Разбежался. Если хоть пальцем ее тронешь, Воронцов тебе яйца отрежет и скормит Санычу, - подмигивает пауку, но тут же кривится с брезгливостью, когда тот ставит волосатую лапку на стекло.

- Да я как-то не претендую, - зеркалю его выражение лица, только причина не в птицееде, а в загадочной фифе, которая скоро к нам нагрянет. Лучше бы ревизор – от него откупиться можно.

- Ей уже нашли выгодную партию. Кстати, если все пройдет нормально, то свадьба состоится здесь, на курорте. Желание Воронцова.

- А она сама чего хочет? – зачем-то уточняю.

- Смеешься, Яр? У нее отец - миллионер. Будущий муж – золотой мажорчик. Она хочет платице и на Мальдивы, - прыскает от смеха Арс, а мне как-то невесело. – На самом деле, хрен ее знает, но это нас не касается.

- Да ради бога, совет да любовь, - выплевываю равнодушно. – Давай ближе к делу. Что от меня требуется?

- Воронцов хочет, чтобы его дочь у нас немного порабо-

тала.

- Отлично, - хлопаю в ладоши. – У нас как раз дефицит кадров в новом ресторане. Не хватает официанток, уборщиц, посудомоек... - воодушевленно загибаю пальцы.

- Ты идиот? – грубо осекает меня Высоцкий. – Идиот, - отвечает сам себе, потирая лоб. – Не надо ее нагружать. Ты должен понимать, что это просто показуха. Ну, повоспитывает богатый отец дочку, приобщит к труду и заберет обратно к себе под крыло. Наша задача – обеспечить ей комфортное и интересное времяпрепровождение. Посадишь ее за бу-мажки, присмотришь за ней пару недель – и отправишь до-мой.

- Я не нянька, - огрызаюсь.

- За такие бабки потерпишь, - жестко перебивает. - Это всего лишь девчонка. Она не доставит тебе проблем.

Вдох... Кислород застревает в горле, а жиденькое, но собственное мнение вместе с гордостью – где-то в заднице.

Арс прав. Не лучшее время, чтобы раскидываться инве-сторами. И не худшее задание.

С глупой финтифлюшкой из поколения «зумеров» я как-нибудь справлюсь. Тем более, опыт есть. Была у меня похо-жая, когда я учился в московском универе. Правда, бросила сразу же, как только узнала, что я из Магадана, а у моих ро-дителей нет миллиона мертвых американских президентов на счету. О богатом родственнике Высоцком я тогда благо-разумно умолчал. На черта еще одна пиявка на шею – ему и

меня хватает с головой.

Вспоминаю, как много муж сестры сделал для меня и сколько денег вложил в мои проекты, хотя не должен был, и медленно остываю.

Выдох...

- Ты прав, - тихо произношу, а вместо флага капитуляции мысленно вывешиваю рваные белые трусы – то, что было бы у меня сейчас без его поддержки.

- Я всегда прав, - бахвалится он в привычной манере. – О, легок на помине! Воронцов звонит, - выпаливает резко и, пока я пытаюсь упорядочить информацию в голове, поднимает трубку. – Слушаю, Влас Эдуардович... Да, конечно... Когда? – косится на циферблат ролекса. – Разумеется, встретим.

- Но... - поднимаю палец, привлекая к себе внимание, однако Арс отмахивается от меня, как от жужжащего над ухом комара.

- Доставим с комфортом. Даже не вздумайте волноваться, Влас Эдуардович, - вежливо заверяет инвестора и отключается.

Многозначительно смотрит на меня. Вместо тысячи слов.

- У нас нет таксопарка, а в гараже только снегоходы, - отвечаю на его немой приказ. – Этого достаточно, чтобы передвигаться по территории.

- Ты бы еще собачью упряжку или повозку с оленями предложил! Нет, Яр, боюсь, дочка миллионера на снегоходе не поедет. Как к тебе туристы добираются? – барабанит

пальцами по столу. Монотонный стук раздражает, но не так сильно, как эта заноза приезжая.

- У нас договор с одной трансфертной компанией, - тянусь за телефоном. - Могу позвонить и вызвать такси.

- Не вариант. Мы за эту девчонку головой отвечаем и не будем доверять ее кому попало. Мало ли, какой водитель возьмет заказ. Нахамит, обидит, закурит в салоне, воздух испортит... а нам потом извиняться.

- Что предлагаешь?

- Хочешь сделать что-то хорошо – сделай это сам, - выдерживает паузу, а затем широко улыбается. – За ней поедешь ты.

- Плохая идея, - отрицательно качаю головой, но моя очередная попытка слиться разбивается о непоколебимый взгляд родственника. - Я давно не садился за руль. У меня и машины нет – снегохода хватает.

- Мою возьмешь.

Арс небрежно запускает в меня брелок. Ловлю в кулак – и тут же, не глядя, бросаю обратно.

- Ты арендовал самую непрактичную модель – она застрянет в первом же сугробе. А по прогнозу сегодня метель, - в подтверждение я киваю на окно, за которым кружит снег. Развалившись в кресле, задумчиво потираю подбородок. - У Тихона Алексеевича внедорожник... Кстати, может его и попросим за младшей Воронцовой сгонять? Он местность как свои пять пальцев знает.

- Ты про того Тихона, который леший?

- Лесничий, - поправляю машинально. – Но да, тот самый.

Ты его видел.

- Угу, и чуть не приобрел новую фобию в коллекцию уже имеющихся. Хочешь, чтобы Воронцова заикаться начала?

- Не преувеличивай. Не такой он и страшный. Обычный мужик.

- Для тебя и Саныч – домашний котик, - Арс жестом указывает на птицееда и сразу прячет руку од стол, будто тот достать может. – В общем, хватит мне зубы заговаривать, скорее дуй за леш-мобилем – и пулей в аэропорт. Самолет приземлится в пять вечера.

- Когда? – повышаю голос и подскакиваю с места. - Так мало времени! Воронцов не мог предупредить заранее?

- Кажется, он вчера говорил мне что-то, но я забыл, - пожимает плечами. – Я же без Славы, мне простительно, - неторопливо встает вслед за мной. - Поторопись, Яр, ты же не оставишь беззащитную, хрупкую девушку замерзать в снежном лесу? Там дел-то на пару часиков. Самая легкая твоя миссия...

Глава 4

Самое легкое задание? Как же!

Наверное, в прошлой жизни Арс был ведьмой, сожженной на священном костре инквизиции, но тоже об этом забыл, а в этой – ненароком проклял меня. Иначе я никак не могу объяснить череду неудач, которую принесло за собой его «благословение».

По дороге в пункт назначения у надежного, как танк, «Патриота» спускает шину, так что «замерзнуть в снежном лесу» рискую как раз я. Благо, вспоминая, как менять запаску, и на автопилоте решаю проблему.

Грязный, злой и уставший, топлю педаль газа до упора. Опаздываю, хотя по жизни я пунктуальный, и из-за этого психую.

В аэропорту меня встречает не Сама Невинность, обещанная Высоцким, а настоящая белобрысая стервозинка.

Правда, красивая... Очень... Как модель с обложки мужского журнала, только упакованная в шубу, которая не становится преградой для моей буйной фантазии. Долгий взгляд-сканер – и богатое воображение лихо дорисовывает все, что скрыто.

Кажется, прав был Арс по поводу секса со снегоходами. Но на девушек у меня сейчас совсем нет времени и сил. С тех пор как началась стройка, я общаюсь только с потными ра-

бочими и лешим Тихоном, целыми днями пропадая на объектах, потому что все хочу контролировать лично, а ночью отрубаясь, едва голова коснется подушки.

А тут... Девочка-картинка... Правда, смотрит на меня, как на кусок собачьего дерьма. Гаденькое ощущение. Родом из прошлого.

Стоит ей открыть рот – и весь животный магнетизм мгновенно улетучивается. Это плюс. А вот то, что она не закрывает его даже после моего предупреждения – огромный минус, тем более в дороге, когда снег метет в лобовое стекло, а под колесами – бескрайнее белое покрывало, под которым кроются неприятные сюрпризы.

- Вы не представились, - бросает Воронцова с укором после нескольких минут благодатной тишины. Ненадолго ее хватило. – Как вас зовут?

- Ярослав Владимирович, - привычно говорю, не отвлекаясь от вождения. Гребаная механика! Не заглохнуть бы опять.

Пока борюсь с коробкой передач, я не замечаю, что пауза затянулась. Надеюсь, моя пассажирка уснула и не будет больше задавать лишних вопросов.

- Владимирович, значит, - растерянно звучит тонкий голосок. Странная. Чему удивляется? – Я Таисия... Власовна. Но вы наверняка и так это знаете.

Закатываю глаза. Самонадеянная особа! Разумеется, у нее же на лбу золотом выбиты фамилия, имя, отчество и сумма

на банковском счету отца. Никак иначе. Все должны мгновенно узнавать ее и падать ниц.

На деле, Арс мне даже информации подробной о ней не дал, отправил меня вслепую. Я узнал Воронцову исключительно по одежде, не соответствующей нашей суровой зиме, безупречной осанке, будто ей кол через попу в позвоночник вбили, и надменному взгляду королевы. Сложно проехать мимо такого памятника современному искусству.

- Не могли бы вы ехать помедленнее? – не унимается она. – Меня укачивает.

- В таком случае мы доберемся на базу к утру, а я боюсь не пережить с тобой столько времени в одном замкнутом пространстве, - выдыхаю с дикой усталостью.

Делаю радио громче, хотя у него появился серьезный конкурент, и давлю на газ.

- Вы опять хамите, - Таисия обиженно надувает пухлые губы. Неосознанно цепляюсь за них взглядом. Интересно, настоящие? Вряд ли... Естественность сейчас не в моде. - Лучше бы боялись, что я вашему начальству пожалуюсь.

- Кому? – хрипло уточняю, поперхнувшись слюной, которую невольно пустил на нее.

- Да хотя бы этому... - щелкает пальцами, вспоминая. - Салтыкову.

Нога слетает с педали. Глохнем. Пока я судорожно завожу двигатель под неодобрительный вздох Таисии, программа в моей голове дает сбой.

- Ты сейчас серьезно? – поворачиваюсь к ней и понимаю, что она реально приняла меня за таксиста.

Впрочем, на биг босса в старой робе я тоже не похож. Да и черт с ней! Так даже веселее.

- Вполне, я... все ему расскажу, - лепечет уже не так бойко, когда я нависаю над ней.

Она округляет темно-синие глаза так широко, что я вижу границы линз, медленно, шумно сглатывает. Срывается в эротичный шепот, и теперь тушуюсь я. Рядом с этой девчонкой отказывают тормоза. Причем во всех смыслах.

- Дерзай! – выпрямляюсь и наконец-то трогаюсь с места. - Можешь приступить прямо сейчас.

- Не тыкайте мне, - фыркает, чуть почувствовав свободу. – Везите... молча! – возвращает мне мою же фразу.

- Безбашенная, - усмехаюсь себе под нос.

Съезжаю с главной дороги, на свой страх и риск срезаю путь через лес. Тихон проложил мне самый короткий маршрут. И если в аэропорт я торопился, чтобы вовремя встретить Воронцову, то сейчас спешу избавиться от нее.

- Куда мы? – испуганно спохватывается она. Подбирается вся, вжимается в кресло, мелко дрожит, будто угодила в лапы маньяка.

Я, конечно, не Яр Потрошитель, но рядом с такой занозой в заднице за свою психику не ручаюсь. Тем не менее, принимаю серьезный, строгий вид.

- Так быстрее приедем, - поясняю спокойно.

- Вы уверены, что это хорошая идея? Вдруг застрянем?

Стоит ей произнести это, как перед нами на тропинке из ниоткуда появляется рысь. Выкручиваю руль, буквально в последний момент мастерски огибаю ее, даже не зацепив. Хочу выдохнуть с облегчением, но мы вдруг налетаем кочку, подсакиваем – и нас заносит в кювет.

Вот леший!

Кажется, колесо опять пробито. Если не сразу два.

Двигатель глохнет. В который раз. И как бы не на прощание.

Супер! Доставил дочку инвестора с комфортом. Уверен, такой трансфер она запомнит до конца дней, а если не заведемся, то наступит он уже скоро.

- Ты в порядке? - протягиваю руку, касаюсь ее щеки и успеваю обжечься, прежде чем она отобьет мою ладонь.

Дерется – значит, живая. Осталось выбраться из леса.

- Я же говорила, застрянем, - бесстрашно шелестит сбоку, и я понимаю, что в дикой природе из нас двоих выживет кто-то один.

Глава 5

Таисия

- Я же говорила, застрянем, - в отчаянии лепечу я, не думая о последствиях.

В салоне что-то угрожающе рычит. То ли заглохший двигатель завелся, то ли... Ярослав Владимирович. Искося поглядываю на него, на всякий случай вжав голову в плечи и отодвинувшись к заблокированной дверце. Меня будто заперли в клетке со зверем, который в любой момент может напасть на меня, покусать и заразить бешенством.

Владимирович пыхтит, как старый паровоз, но ничего мне не отвечает. Молча опускает стекло, и ледяной порыв ветра бьет ему в лицо, обдавая колючими снежинками. Пробурчав что-то нечленораздельное, он проводит пятерней по волосам, сильнее взъерошив их, и со скрипом выбирается из покосившейся машины.

- А?.. – напоминаю о себе, дергая ручку пассажирской двери. Не поддается.

- Молчать! – рывкает так злобно, будто это я была за рулем и чуть не угробила нас обоих. Типичный мужик, у которого во всем виновата женщина. – Сидеть! – дает команду, как собаке, и захлопывает дверь.

Меня встряхивает вместе с машиной, которая угрожающе кренится вбок. Надеюсь, таксист не забудет меня в лесу? За-

вез как можно дальше, а теперь выбросит, как надоевшую кошку, которая ходит мимо лотка и портит хозяину тапки. Но если животное на инстинктах может вернуться домой, то у меня нет шансов. Я понятия не имею, где находится эта чертова лыжная база, а в Москву идти долго, мягко говоря.

- Эй, подождите! – вскрикиваю, на секунду потеряв Яро-слава из вида. Он хоть и хам, но лучше с ним, чем одной.

В панике чуть не вырываю ремень из крепления, перепол-заю на водительское место – и буквально вываливаюсь из вы-сокого внедорожника в сугроб.

- Да что за... - сверху прилетает приглушенный мат, а по-том меня хватают за шкурку и грубо поднимают, как шелу-дивого щенка. - Я же тебя попросил оставаться в салоне. Там хотя бы тепло.

- Хм, это была просьба? – сплевываю снежинки, забивши-еся в рот.

- А надо было с поклоном? – бухтит, но в то же время от-тряхивает мою шубу. От каждого его действия меня шатает, как тряпичную куклу.

Я никогда в жизни не встречала таких отталкивающих мужчин! Чувство собственной важности зашкаливает, на-вык хамства развит до предела, тестостерон плещет из него, как из рога изобилия, манеры Маугли, воспитанного белыми медведями. При этом он ворчит, как старый дед.

Натуральный Владимирович.

- Да что вы злой такой? – шмыгаю замерзшим носом. Зи-

ма здесь и вправду суровая – за пару секунд я превратилась в сосульку. Однако в страхе продолжаю язвить. - Не выпалились?

Острый, пронзительный взгляд пробирает до мурашек, а мне и без него дико холодно. Зубы стучат, отбивая чечетку, а плечи неконтролируемо содрогаются.

Потрепав меня по макушке и смахнув снег с растрепанных локонов, Владимирович вдруг опускает широкую лапу мне на лицо, небрежно проводит от лба к подбородку, заставив меня зажмуриться, стирает холодную влагу. Кожа горит от его грубых прикосновений.

Неловко отбиваюсь, а угрюмый таксист срывает с себя теплый шарф, насквозь пропитанный пряным мужским запахом. Не успеваю увернуться, как он накидывает его на меня и по-отечески обматывает вокруг шеи, а колючий шерстяной край натягивает до самого носа.

- Уберите от меня свои грязные руки! – хлопаю по его запястьям, когда он заботливо заправляет мокрую прядь мне за ухо.

Ярослав не отходит, внезапно включив режим гиперопеки, будто отвечает за меня головой. Цыкнув, накидывает мне на голову капюшон, надвинув его чуть ли не на глаза, и запахивает шубу. Укутывает, как ребенка, так что пошевелиться не могу. И плевать ему на мои протесты. Мельком оценив результат своего труда, удовлетворенно кивает.

- Почему сразу грязные? – лениво прячет ладони в карма-

ны потертой куртки. - Я их мыл, - усмехается, выдыхая клубок пара. - Вчера.

- Очень остроумно, - фыркаю и чихаю от ворса, который забирается в рот. - Что с машиной? Там дымится или мне кажется? – прищурившись, всем корпусом поворачиваюсь к капоту.

Проследив за моим взглядом, Ярослав срывается с места и ругается, как сапожник.

- Испустила дух...

Он активно машет руками, разгоняя пар, и буквально ныряет в самую гущу. Из-под капота доносится приглушенное рычание, перемешанное с кашлем.

- Исчерпывающий ответ, - машинально выдаю, не надеясь ни на что хорошее.

Звездная ночь, и это ни капли не романтично, а, наоборот, пугающе. Снежный лес, жгучий мороз, пронизывающий до костей, сломанная машина, бьющаяся в последних конвульсиях. Поблизости нет никого, кто мог бы нам помочь. А этот... скорее добьет, чем спасет.

Что ж, выбора у меня нет. На безрыбье и Йети – мужчина.

Бесшумно подхожу ближе, заглядываю через его плечо, но ничего не могу разобрать в густом тумане.

- Вернись в салон, не стой над душой, - грозно раздается в непроглядной мгле. - Иначе скормлю тебя волкам.

- Здесь волки?

Я вздрагиваю и инстинктивно жмусь к Ярославу, вцепив-

шись в его рукав. От неожиданности он бьется головой об крышку капота, что-то роняет, шипит и матерится, пока я в ужасе смотрю по сторонам.

- Тц, черт! Обжегся, – отшатывается от машины, хватая с земли ком снега и охлаждает пальцы. - Уйди с глаз долой, говорю! – ревет в отчаянии.

От страха у меня отключается инстинкт самосохранения, а вместо него развязывается язык. Это защитная реакция, из-за которой я обычно страдаю еще больше.

- Послушайте, вы сами виноваты! Не надо было меня пугать, я с этим и сама прекрасно справляюсь, - не уступаю ему в громкости и злости. Вместо того чтобы расплакаться, я веду себя как бешеная фурия. - И хватит на меня орать, как неудовлетворенный бизон в брачный сезон, я просто хочу вам помочь!

- Мне даже интересно, чем? – повышает голос, хотя, казалось бы, уже некуда. Если поблизости и были волки, то этот ревущий зверь наверняка их уже распугал. – Ты даже элементарные команды выполнить не в состоянии.

Снег в его руках превращается в воду, едва не закипает – и он зачерпывает еще. Обтирает покрасневшее от гнева лицо, дышит жарко и сбивчиво. Кажется, еще одно слово – и у него глаз от меня дергаться начнет.

- У вас колесо пробито, - тихонько пишу. - В автошколе меня научили запаску менять.

- Даже та-ак, автошко-ола, - язвительно тянет он. - Тебе

папа права купил?

- Я сама сдавала! В отличие от вас, судя по мастерству вождения, - красноречиво указываю на дымящуюся машину. Последнее было зря...

Короткий зрительный контакт, вспышка – и я капитулирую.

- Так что, у вас есть запаска? – выжимаю из себя улыбку, но он становится мрачнее.

- Это она и была, - бьет носком ботинка по спущенной шине.

- М-м, срезали путь, - ехидно выпаливаю, не успев прикусить язык.

В ответ слышу тяжелый, усталый вздох – и негромкий, но хлесткий вопрос:

- Вот какого черта тебе в Москве не сиделось?

- А это совершенно не ваше дело, - оскалившись, я достаю телефон. - Вызывайте эвакуатор, а я пока отцу позвоню.

- Отличное решение. Вызовешь отца, как только мы выберемся из леса, и пусть он тебя забирает от греха подальше, - демонстративно перекрестившись, наклоняется к капоту. - А пока потерпи. Здесь связь не ловит, принцесса.

Не хочу верить! Проверяю лично, но...

На дисплее горит значок «Нет сети», и я обреченно прикрываю глаза.

- Почему за мной отправили именно вас?

- В душе не-е... - осекается, - не чаю. Видимо, это такое

изошренное наказание. Свыше.

Старик Владимирович возвращается в его тело и пафосно возводит глаза к небу, но опять чуть не бьется об крышку. Это называется мгновенная карма, но я почему-то не позволяю ей случиться. Машинально выставляю ладонь и прикрываю его голову, оберегая от удара. Пальцы касаются влажных, жестких волос, импульсивно соскальзывают к затылку, будто гладят.

Ловлю на себе хмурый взгляд, получаю разряд тока – и спешу отдернуть ладонь. Суматошно прячу ее в карман. Сердце заходится в груди, безумно гоняя кровь по венам. Несмотря на мороз, становится жарко, как в бане.

- Так, если не получится завести, пешком пойдем, - Ярослав выпрямляется как ни в чем не бывало и, уперев руки в бока, оглядывается. - Если я правильно ориентируюсь, здесь недалеко домик лесничего.

Отворачивается от меня, идет к багажнику за вещами. Я же направляюсь в противоположную сторону, уткнувшись носом в телефон. Отдаляюсь от машины, не разбирая пути в темноте. Все покрыто плотным слоем снега, метель усиливается, ветер хлещет по лицу.

- Я все-таки попробую поймать спутник, - упрямо барабаню пальцами по сенсору.

- Далеко от меня не отходи, - летит мне вслед и тонет в завывании выюги. - Там озеро...

Владимирович бухтит что-то еще, но я его не слушаю, ша-

гая дальше и не отрывая глаз от телефона. Заметив слабую полосу, мигнувшую на дисплее, я радостно подпрыгиваю на месте и поднимаю телефон над собой, запрокинув голову.

- О, есть контакт! – издаю победный клич.

- Воронцова, чтоб тебя!..

Улавливаю треск льда – и земля разверзается под моими ногами.

Глава 6

Ярослав

Я закипаю вместе с заглухшим внедорожником. Пар валит из ушей, крышу сносит от злости. Пока я не взорвался, отворачиваюсь и быстрым шагом иду к багажнику.

Как можно дальше от нее!

Не девчонка, а прыщ на заднице. Тронешь – и сделаешь только хуже, потому что зараза мгновенно распространится по всему организму. Игнорировать тоже не получается – зудит и мешает. Вроде бы, мелочь, а раскорячит так, что ни о чем больше думать не можешь.

Горю от злости, а мысли все равно прикованы к Тае. Несмотря на то что отдалился от белобрысого исчадия ада на безопасное расстояние, я продолжаю искоса наблюдать за ней.

- Далеко от меня не отходи, - рявкаю, доставая ее чемодан из багажника.

Конечно же, Тая не слушается. Насрать ей на меня королевской радугой. Кто я такой? Магаданский таксист, спустившийся с гор, как она считает. Только вчера оленя запрягал, а сегодня впервые за руль сел. Тварь дрожащая и прав не имею.

Зато если что случится, ко мне жметесь. Кто еще ей в лесу поможет? Да и мозг ковырять больше никому, а она без этого

не выживет. Вампирша. Без еды и воды не погибнет – ее худящее тельце решит, что его посадили на очередную диету, без тепла тоже обойдется, ведь даже в вечной мерзлоте эта ледышка будет чувствовать себя как рыба в воде, но без подкормки в виде свежих чужих мозгов – и минуты не протянет.

- Там озеро... В некоторых местах лед тонкий, провалишься, - предупреждаю ее. Не слышит.

Оставив чемодан, я хмуро слежу, как она дефилирует по замерзшей водной глади, будто прогуливается по проспекту. Дурная или отчаянная? Девчонка мелкая, весит немного, но какого черта приключения на пятую точку ищет? Как специально, лишь бы мне назло.

- Есть контакт! – вытягивает руку с телефоном, будто ждет звонка от самого президента, и вдруг подпрыгивает на месте.

Каблуками. В лед. На озере.

- Воронцова, чтоб тебя!

Стартую, как гребаный болид, еще до того, как Тая закричит. Хотя она даже это нормально сделать не может! Ее тонкий, испуганный писк едва уловим в шуме ветра, но метко бьет мне под дых, выламывая грудину. Сердце сжимается. Я с этой пигалицей инфаркт получу!

Она по пояс уходит в воду, барахтается, пытается схватиться за край проруби, но лишь усугубляет свое положение. Шуба намокает и, превращаясь в тяжелый якорь, тащит свою хозяйку на дно. Тая сопротивляется все слабее, однако не прекращает паниковать.

- А-а-а, Яр-р-р! – зубами отстукивает ритм.

- Тише, дурында, я рядом, - окликаю ее, ложась на лед. –

Утонешь только через мой труп! Давай руку!

Протягиваю ладонь, чувствую касание ее ледяных, мокрых пальцев, почти ловлю, но они выскальзывают из моей хватки. Сжимаю воздух в кулаке. Слышу сдавленный всхлип и плеск воды.

- Не бойся, здесь не глубоко, - успокаиваю Таю.

- Х-х-х... - хрипит она в ответ.

- Хреново? Понимаю, - тяну, подползая ближе к ней.

- Х-холодно, - наконец-то, выговаривает она, цепляясь за меня, как за спасательный круг.

В экстренной ситуации от ее дерзости не остается и следа, да и мне не до шуток. Сначала я должен спасти ее, а заслуженную порцию отборного мата и ремнем по мягкому месту она получит потом.

Черт! С каждой секундой девчонка становится все тяжелее и неповоротливее.

Дергаю за шубу, которая висит на ней, как камень на шее, одним движением грубо распахиваю ее, вырывая пуговицы из петель, и снимаю с хрупких Таинных плеч. Заключив девчонку в капкан, вытаскиваю ее из воды, а мокрый мех уходит на дно.

- Почти без потерь.

Не разжимая рук, перекаत्याюсь на спину, и она оказывается сверху. Уткнувшись лицом мне в грудь, часто, сбивчиво

дышит, всхлипывает надрывно. Обнимаю ее крепче и откидываюсь назад, ударившись затылком об лед. Взгляд упирается в звездное небо.

За что мне это? За какие грехи...

- Ну, чего разлеглась? – похлопываю Таю по содрогающейся спинке. - Отдохнула – теперь ползи к берегу.

Она поднимает голову, устремляет на меня полные слез глаза, которые будто стали другого цвета, с фиолетовым оттенком. Пока я всматриваюсь в алеющее от кусачего мороза лицо, неудавшаяся утопленница размыкает дрожащие губы.

Наверное, поблагодарить меня хочет за спасение. Не самый удобный момент, но я этого заслужил. Пусть.

- Я телефон потеряла, - внезапно выдает.

- Хочешь, я брошу тебя обратно в прорубь, чтобы ты искала? – выплевываю, чувствуя, что тоже замерзаю. Я привык к местной зиме, суровой и беспощадной, но такие прогулки под луной - слишком даже для меня.

Если Воронцов решит мне что-нибудь оторвать за свою драгоценную дочь, то не получится - я все отморозил заранее. Сыграл, так сказать, на опережение. И все благодаря невезучей барышне, лежащей на мне.

- Не хочу, - шмыгнув красным носом, она отрицательно качает головой.

- Впредь слушай, что тебе говорят! – гаркаю на нее.

Выбираемся из озера на твердую землю. Тая трясется и плачет, едва стоит на ногах. Мокрая, растерянная, беззащит-

ная. Не могу на нее злиться, хотя следовало бы.

Снимаю с себя куртку и укутываю в нее дрожащую фигурку. Метаю взгляд на каблуки, мокрые джинсы... Поразмыслив, подхватываю девчонку под бедра и закидываю себе на плечо.

- Так быстрее будет, - бросаю небрежно, придерживая ее за ягодицы.

Лечу как угорелый, не чувствуя ноши. Она и пикнуть не успевает, как я запихиваю ее на заднее сиденье внедорожника, который пока еще хранит тепло.

- Давай раздевайся, - приказываю строго. – Полностью, до трусов. Я тебе сейчас что-нибудь из твоего чемодана принесу.

Гардероб у принцессы и правда не для наших мест, но мне удастся отыскать в ворохе брендового тряпья несколько адекватных вещей. Случайно наткнувшись на белье, беру и его тоже. В машине переоденется.

- Так, трусы тоже снимай, - командую без задней мысли, распахивая пассажирскую дверь.

Стоит мне заглянуть в салон, как в меня летит мокрая тряпка и смачно шлепает по лицу.

Вот это столичная благодарность! Пятизвездочная! Да меня в последний раз так «горячо приветствовала» баба Маня, школьная уборщица, когда я грязными ботинками по помывочному прошел. Но у нее хотя бы мотив был, а у моего блондинистого наказания что?

- Воронцова, какого лешего?

Сдавленно выругавшись, я на автомате ловлю скомканные джинсы и сплевываю воду.

- Вы в своем уме? Я заявление в полицию напишу за домогательство, а отец вас вообще приберет. Вам это не сойдет с рук... и с других частей тела тоже. Одумайтесь!

Тонкий, надрывный голосок бьет по барабанным перепонкам и пронзает все тело, как электрошок. Руки судорогой скручивает в кулаки, и я невольно выжимаю ее мокрые штаны, как средневековая прачка белье после стирки в проруби. Раздраженно бросаю в Таю сухие вещи, пока не промочил их, прижимая к себе и оберегая, как дракон - долбаное сокровище.

Какие еще роли мне предстоит примерить на себя рядом с этой девчонкой? И надолго ли меня хватит? Судя по всему, мы застряли здесь до утра...

- Домогательство? – скептически выгибаю бровь, бесстыдно окидывая ее наглым взглядом. - Ты как себе это представляешь, фантазерка? Переодевайся, пока не застудила себе все, до чего в принципе можно домогаться. Я тебе теплые вещи принес, - киваю на сверток в ее трясущихся руках.

- Вот с-с-с... - шипит Тая.

- Окстись, барышня, иначе вернемся к проруби рот тебе мыть и чертей изгонять, - зло перебиваю ее.

Хамить мне вздумала? Точно утоплю! И плевать на инвестиции – психическое здоровье дороже.

- С-спасибо, - наконец-то выдает она. – Что? – хмурится, а я делаю вид, что ей послышалось. - Вы бы хоть в стекло постучались! Я же полуголая.

- Я полумерзлый, и это из-за тебя, между прочим, - цежу сквозь постукивающие зубы.

Тая подбирает под себя голые ноги, прячется вглубь салона. Возможно, в нормальном состоянии я бы оценил ее прелести, но сейчас... могу думать лишь о том, как бы не сдохнуть. Чувствую, как с меня стекает вода и капли замерзают на ветру прямо в полете, ледяными иголками вонзаясь в снег.

В такую погоду хороший хозяин собаку на улицу не выгонит. Но Арс меня не пожалел. Родного человека бросил на растерзание юной, почти обнаженной ведьмы, которая явно прогуливала уроки колдовского мастерства, потому что все делает через одно место, несет вред и разрушение... самой себе.

- Давай быстро! – рывкаю на нее и ногой захлопываю дверь.

Проверяю багажник в надежде, что Тихон оставил что-то из своих рабочих вещей. Нахожу в глубине старый, повидавший жизнь тулуп, в котором он тайгу обходит и браконьеров ловит, без стеснения накидываю на себя. Теперь я наверняка похож на бомжа или на снежного человека. Однако мне плевать на свой внешний вид – лишь бы не замерзнуть окончательно.

- Готова? – возвращаюсь к пассажирской двери.

Хватаюсь за ручку, но тут же отдергиваю ладонь, вовремя опомнившись, и осторожно барабаню костяшками пальцев по стеклу.

- Подождите! Я скоро, - доносится из салона.

Тая не выглядывает и даже не оборачивается, а продолжает возиться с одеждой, будто наряд на светский прием выбирает. Различаю лишь хрупкий силуэт, который хаотично шатается из стороны в сторону на сиденье.

На секунду в стекло упираются ее острые лопатки, но тут же прячутся под тканью свитера. В тулупе Тихона становится нереально жарко, как будто он забыл беспроводной обогреватель в кармане.

Отворачиваюсь. Стараюсь не смотреть в темный салон до тех пор, пока Тая не оденется. Терпеливо жду ее, навалившись на багажник.

Воронцова собирается целую вечность, как на свидание, но я больше не злюсь. Во-первых, на нее никаких нервных клеток не хватит, а, во-вторых, согревшись, я становлюсь добрее. Добраться бы до сторожки без приключений, перекусить чего-нибудь из запасов лесника и завалиться спать – больше ничего мне не надо.

Какие, к черту, домогательства?

Без эмоций пытаюсь реанимировать телефон, который разбил, когда спасал Таю. Заведомо знаю, что моя миссия обречена на провал. Широко зеваю, когда трещина от одно-

го грубого нажатия сильнее расходится по стеклу, и экран гаснет.

- И года не прошло, - приглушенно рычу, уловив тени боковым зрением, и отталкиваюсь из машины.

Дверь наконец-то открывается, а из салона неловко выбирается укутанная Тая. Хватаю ее за локоть, чтобы не упала опять в сугроб, притягиваю к себе.

- А-а-а! – неожиданно кричит, уткнувшись лицом мне грудь.

Я скоро привыкну к этому вою и буду слушать его, как колыбельную на ночь.

- Чего орешь, Воронцова? – равнодушно выдыхаю.

Она запрокидывает голову. Мгновенно умолкает, будто батарейка села.

Благодатная тишина, но, боюсь, наслаждаться мне ей недолго.

- Не узнала, - ойкает Тая, растеряннo пройдясь взглядом по моей верхней одежде. – Вид у вас, конечно...

Она морщит нос, чихает и отшатывается от меня. Хочет что-то добавить, но, прочитав на моем лице все мысли, в том числе и нецензурные, мигom прикусывает язык.

- Не отставай, принцесса, - выплевываю недовольно и, схватив ее чемодан, шагаю по снегу.

Слышу, как Тая послушно бредет за мной. Замедляюсь, когда понимаю, что она не успевает. Изредка оглядываюсь на нее, чтобы не потерялась и снова куда-нибудь не влипла.

У меня не осталось ни сил, ни желания вытаскивать ее из передряг.

- Это он? Мы дошли? – радостно вскрикивает Воронцова, когда мы выходим к домику лесника. – Такой ма-аленький, - добавляет разочарованно. - Там есть... ванная? – стыдливо уточняет.

- Ага, и джакузи с солярием, - усмехаюсь и останавливаюсь на пару секунд, чтобы перевести дух. - Если тебе в туалет приспичило, прямо говори, без этих иносказаний и намеков. Я покажу, где он.

- На улице? – догадывается она, тяжело вздыхая.

Огибает меня, смело топает по заметенной снегом тропинке к крыльцу. Видимо, опять по пути обронила инстинкт самосохранения, если он вообще у нее был. В заводских настройках не предусмотрен.

- Не спеши, Тая, - лениво окликаю ее, не надеясь, что послушается. Иду за ней по пятам, как телохранитель.

- О-о, здесь открыто, - сообщает она удивленно, дергая ручку двери.

Теоретически, это самое безопасное место в тайге. Что может случиться?

Однако Воронцова не раз за этот вечер продемонстрировала свою главную сверхспособность - влипнуть в историю. Поэтому я даже не удивляюсь, когда следом за скрипом деревянного полотна раздается испуганный женский крик, а блондинистое несчастье в панике летит в мои объятия.

Проклятие на каблуках!

Глава 7

Таисия

Увидеть Магадан – и умереть. Не о таком я мечтала...

- Крыса! – визжу что есть мочи, когда из темноты на меня набрасывается неопознанный комок с хвостом. Увернувшись, я пулей вылетаю из старой, покосившейся избушки, которую Ярослав гордо зовет домиком лесника.

Я попала в сказку, только очень страшную, где Красную шапочку застрелили охотники, а Спящую Красавицу в коме отключили от системы жизнеобеспечения.

Без зазрения совести ныряю в объятия Йети, с которым препиралась всю дорогу. Впиваюсь обледеневшими пальцами в его дедовской тулуп, будто это пальто от Армани, утыкаюсь лицом в клочковатую овечью шерсть на воротнике, как в дорогие меха, и судорожно дышу его островатым, пряным мужским запахом, словно пробую селективный парфюм.

- Что?

Слышу, как он смеется в мою макушку. Небрежно проходит рукой по спине, то ли поглаживая меня, то ли похлопывая. Пытается отстраниться, но я держусь крепко, буквально повисаю на нем и сильнее зарываюсь носом в его шею. Оторвать меня сейчас можно только с мясом.

Протяжно вздохнув, Яр сдается и обнимает меня.

Он по-прежнему все тот же неотесанный мужлан, который нахамил мне в такси, но с ним мне тепло и безопасно. Лучше быть глупой в его глазах, но живой и невинной, чем гордой, но надкусанной неведомым и наверняка бешеным зверем.

- Ты совсем одичала в своем городе? – шепчет с насмешкой и укором, накрыв лапой мою голову. Его бархатный голос согревает и успокаивает, если не вникать в смысл слов.

- Ну, какая это крыса? Сама ты...

Цокнув, осекается на полуслове и приседает вместе со мной. Продолжает придерживать меня одной рукой, потому что я все равно не отцеплюсь, будто приросла к нему намертво, а вторую – протягивает к открытой двери.

Вскрикиваю и приземляюсь попой на крыльцо, когда жуткий крысеныш выскакивает из темноты, прыгает на его ладонь, карабкается по рукаву и забирается на плечо. Яр широко улыбается, как Веселый Роджер, и поворачивается ко мне.

- Это... что? – лепечу, фокусируя взгляд на зверьке, но картинка плывет.

Черт, кажется, я линзы в проруби утопила.

- Не что, а кто, - отчитывает меня Яр, будто я живого человека обидела. – Знакомься, это Гайка, домашняя белка. Ее Тихон в тайге нашел полумертвую, вылечил и выводил. Теперь она здесь живет, - довольно сообщает. – Ты бы лучше с хозяйкой поздоровалась, Тая, а не обзывалась. Неужели вас

в столице совсем правилам этикета не учат?

Заторможено моргаю, рассматривая Гайку. Пушистый хвост, на ушках кисточки, острые коготки врезаются в ткань тулупа, а глаза-бусинки направлены на меня. Никогда не употребляла алкоголь, но сейчас на себе испытала, что значит «поймать белочку». Буквально.

- Вы все тут ненормальные, - растерянно качаю головой, поднимая взгляд на Яра.

- Хочешь обратно в Москву? – уточняет он с надеждой.

Каков наглец! Разве я ему мешаю? Мы расстанемся, как только нас вытащат отсюда, и не вспомним друг о друге. Если я и стану чьей-то проблемой, то исключительно Салтыкова, который вынужден будет показать мне курорт и всему меня научить. Но я уверена, что он человек адекватный, грамотный и воспитанный, в отличие от этого невежи. Мы найдем с боссом общий язык.

- Хочу, но... - прищуриваюсь, чтобы порывисто выдохнуть ему в лицо: - Я остаюсь здесь.

- Наказание, - закатывает глаза и поднимается, бросая меня на холодном крыльце, зато бережно обнимая белку.

Я встаю и отряхиваюсь, осторожно бреду в домик. Надеюсь, вторая попытка будет более удачной, чем первая. Стоит мне переступить порог, как раздается жуткий рев. Если бы Яр остался на улице, то я опять бы бросилась наутек, под его крыло. Но он внутри, так что бежать мне некуда.

Дверь захлопывается за спиной. В помещении вдруг за-

жигается свет, тусклый и желтый. Одинокая лампочка мигает, как в фильмах ужасов. В полумраке видны лишь очертания обстановки – и романтической ее точно не назовешь.

- Так, генератор я запустил, до утра должно хватить, - заявляет Яр, выходя из сумрака. Останавливается напротив меня, всматриваясь в мои глаза. На мгновение выражение его лица меняется, но я слишком паникую, чтобы понять причину. – Осталось разжечь камин, - кивает на кривую каменную кладку в углу, перед которой валяется медвежья шкура. – И будут вам апартаменты, как в лучших домах Лондона, принцесса, - с сарказмом заключает он, скидывая тулуп.

- В смысле, до утра? – испуганно икаю я. – Разве нас не заберут отсюда?

- Конечно! - Он дарит мне огонек надежды и тут же топчет его грязными сапогами. – Но не сегодня... Тихон на рассвете владенья обходит. Он обязательно заглянет в домик, чтобы покормить Гайку и проверить, не застряла ли здесь одинокая заблудшая душа, - небрежно подшучивает, а мне совсем не до смеха. – С ним ты поедешь на базу, а я вернусь за брошенным внедорожником, иначе Тихон меня пришибет лопатой.

Никогда не понимала черный юмор, а в интерпретации Яра он и вовсе звучит зловеще. Отгоняю от себя леденящие кровь образы загадочного лесника с садовым инвентарем через плечо, нервно сглатываю и с тоской осматриваю тесное, неудобное помещение.

- Мы будем ночевать прямо тут?

Я перевожу взгляд со шкуры на маленький диванчик и обратно. Так себе перспектива. Как кандидаты на местных выборах. Иллюзия ассортимента, а на деле... какое бы койко-место мне ни досталось, я проведу ночь в пыточной камере.

- Соображаешь в правильном направлении, хоть и туго, - ехидно тянет мой спутник, у которого тоже нет альтернатив.

- Вдвоем?

- Если моя компания тебя тяготит, то есть еще туалет. На улице, - напоминает он, взмахивая рукой в сторону двери, а я на автопилоте, наоборот, делаю шаг к нему. - Вэлком, короче.

- Спасибо, я лучше потерплю ваше общество, - произношу срывающимся шепотом, запрокидывая голову.

- Воздержание вредно для здоровья, - ерничает он, а взгляд при этом внимательный и серьезный.

- Вы слишком грубый, - с трудом выдавливаю из себя, и былой запал улетучивается, когда мы с Яром оказываемся лицом к лицу.

Зря я его провоцирую. Мало ли, что взбредет в голову незнакомцу в дремучем лесу.

- Ты тоже не киндер-сюрприз, зато у тебя глаза необычные, - неожиданно выпаливает он, наклоняясь ко мне. Жаркое дыхание обжигает щеку. - Я сразу как-то не заметил, что они... фиалковые? – неуверенно уточняет, пристально рас-

смаатривая меня, как заморскую зверушку.

- Если это подкат, то весьма неудачный, - машинально огрызаюсь, будто разучилась общаться нормально, но в следующую секунду прикусываю язык и прячу лицо в ладони.
- Боже! Линзы!

Моя маскировка трещит по швам, в то время как напротив стоит последний человек в мире, перед которым я хотела бы предстать настоящей. Мне хватило издевательств в детстве, чтобы еще и сарказм таксиста терпеть. Сбрасываю его руку, которая внезапно легла на мое плечо, и отворачиваюсь.

- Что за эти долбанные доли секунды успело случиться в твоей голове, чтобы ты опять начала психовать? – летит мне в затылок с нескрываемым раздражением.

- Нет, это еще на озере произошло, - тараторю, прячась от его навязчивого внимания. - Я там, видимо, линзы водой смыла. Они меняли цвет.

- Зачем?

Яр подцепляет пальцами мой подбородок, сжимает крепко и заставляет меня посмотреть на него. Снова ныряет в мои глаза, словно тонет в них. Уверена, такую дичь он встречает впервые...

В моем организме отсутствует меланин. В большинстве случаев это вызывает появление красной радужной оболочки. Взгляд вампира. Но если примешивается синий цвет, как у меня, получается фиолетовый оттенок. Его можно корректировать линзами и легче скрывать от окружающих. С этой

миссией я долгие годы справлялась успешно – даже Глеб не в курсе. Я планировала и дальше прятаться в своем уютном панцире, но...

Угораздило же меня раскрыться именно рядом с этим мужланом. Лучше бы он голой меня увидел, чем... такой.

- Потому что я больна! – выдаю обиженным тоном, будто это Яр виноват во всех моих несчастьях.

Я не жду от него сочувствия или элементарной вежливости, но его глумливая фраза как удар под дых.

- Надеюсь, это не заразно...

- Я альбинос, хамло!

Повисает пауза, во время которой лицо незадачливого водителя вытягивается в удивлении. Надрывный кашель разрывает тишину.

- Альбинос-хамло – это что-то новенькое, зато во многом объясняет твоё поведение, - Яр задумчиво качает головой и, нахмурив брови, приближается ко мне вплотную. – Хм-м, никогда бы не догадался... Я представлял вас иначе, - подцепляет прядь пшеничных волос и наматывает ее на палец.

- Волосы крашеные, - выдергиваю локон из его руки, отступаю назад. - На бровях перманентный татуаж, про остальное даже не смейте спрашивать, иначе ударю, - фыркаю в сердцах.

- Вообще не думал об остальном, но после твоего предупреждения такая мысль появилась, и теперь я не могу от нее избавиться, - потирает подбородок, медленно просвечивая

мое тело откровенным взглядом-сканером.

- Прекратите издеваться!

Ненавижу разговоры о своей настоящей внешности, которой я дико стесняюсь. Инопланетянка, как дразнили меня в элитной гимназии. Тогда я стеснялась дать достойный отпор, плакала по углам, но это время прошло.

Расправив плечи, прокручиваюсь на пятках и отхожу к дивану, всем своим видом показывая, что беседа закончена. Разбираю чемодан, чтобы найти теплые домашние вещи на эту долгую и мучительную ночь.

- Какая же ты самостоятельная, - сплевывает Яр прямо на пол. - Сама придумала – сама обиделась.

Развернувшись, он приседает у камина и с приглушенным матом пытается его разжечь.

- Тай? – тихо зовет меня спустя время. От приятной хрипотцы мурашки по коже.

- М?

Оглядываюсь. И снова у нас прямой зрительный контакт, от которого не скрыться. Я стойко выдерживаю его, хмуро готовлюсь к очередной шпильке в мою сторону, но Яр вдруг мягко улыбается, впервые за весь этот проклятый вечер.

- Глаза у тебя красивые, зря прячешь, - подмигивает мне. В камине наконец-то вспыхивает огонь.

- Так проще... Люди боятся того, чего не понимают.

Опускаю ресницы, сознательно закрываясь от него.

Сорвавшийся голос выдает меня с потрохами.

Мне никогда не делали комплименты. Не яркому «камуфляжу», который мужским вниманием не обделен, не папиным финансам, вызывающим неконтролируемое возбуждение у сильного, но падкого на деньги пола, а именно мне... настоящей.

Впрочем, не следует всерьез воспринимать все, что вылетает из уст этого шутника. Завтра он даже не вспомнит о моем существовании. Как бомж, который называет тебя мадемуазель, или поддатый прохожий с дежурной фразой: «Вашей маме зять не нужен?».

- Тупые люди – бич современного мира, - хмыкает Яр, теряя ко мне интерес, и подкидывает дрова в разгорающееся пламя. Под тканью невзрачного серого свитера бугрятся и перекачиваются мышцы.

В помещении становится жарко...

Хороший печник. Есть шанс не замерзнуть до утра.

- Тем не менее.. общество не примет тебя, если ты с изъязвленным и не такой как все, - отвечаю машинально, а сама заторможено смотрю в одну точку.

Совершенно случайно эта точка фокусируется на Йети, сгорбившемся над камином. Поднимается вместе с ним... И не успевает «сбежать», когда он небрежным рывком раздевается до футболки.

- На хрена тогда такое общество, если нельзя быть собой? – рывкает он, бросая свитер на диван, где я сижу.

Вздрагиваю, будто в меня прилетела граната. Отползаю в

противоположную сторону, упираюсь боком в подлокотник, подбираю под себя ноги. Секунду спустя смятая, влажная футболка тоже приземляется рядом со мной.

- Не так уж здесь и жарко, - не замечаю, как произношу это вслух.

Яр не слышит, потому что гремит крышкой старого сундука. Вместо пиратских сокровищ достает оттуда аккуратно сложенную, на удивление, чистую майку. Натягивает на себя.

Пока я прихожу в себя от его фокусов с переодеваниями, он становится напротив, нависая надо мной. Скептически выгибает бровь и, оценив мою зажатую позу, вопросительно дергает подбородком. Скрестив руки на груди, не сводит с меня холодных голубых глаз, словно ждет чего-то. Та самая точка, как прицел снайпера, прожигает его грудь, а богатое воображение дорисовывает все остальное.

До того как он устроил стриптиз на минималках, мы... разговаривали. Я судорожно вспоминаю, о чем.

Вдох...

- Хотелось бы жить полноценно, как все, а не... вот так, - выпаливаю на одном дыхании, неопределенно кручу пальцами в воздухе. Указательный трясется, останавливаясь на напряженной фигуре Яра.

Мой голос на нервах звучит надменно и стервозно, и он хмурится, уловив совсем не тот посыл, который я вложила в эту фразу. Приседает, щелкает языком – и ручная белка появляется из ниоткуда. Я успела забыть о ней – и снова ис-

пугаться.

- Слышала, Гайка, мы неполноценные, - с насмешкой произносит он, почесывая пальцем рыжую холку.

На секунду мне кажется, что белка смотрит прямо на меня и... не одобряет. Отмахиваюсь, часто моргаю и спустя мгновение нахожу ее на плече Яра. Иллюзионисты.

- Я совсем не это имела в виду, - оправдываюсь пылко, вскакивая с места. Гайка пугается и спрыгивает на пол, в панике оставив царапины на шее хозяина. Надеюсь, она не заразится бешенством от него. - Просто в жизни должны быть цели, мечты, стремления...

- Ну и? – нахально перебивает меня Яр, скривившись от боли и потирая покрасневшую кожу. - У тебя какие? Отцовские? – добавляет с насмешкой.

Забрало опускается, и мне больше не хочется с ним откровенничать.

- Это личное, - фыркаю, шмыгнув носом, и неожиданно чихаю.

Зажимаю рот ладошкой, надрывно кашляю. Глаза слезятся, будто от приступа аллергии, но я ей не страдаю. Сдерживаю очередной чих, а когда он все-таки вырывается – в голове шумят вертолеты.

Не хватало мне еще заболеть после «закаливания» в проруби.

Яр молча отходит к навесному шкафчику, звенит склянками, как старая ведьма с дрожащими руками, материт-

ся нечленораздельно, будто проклятие насылает, разливает что-то... Возвращается ко мне с двумя железными кружками. Только в них не чай. Протягивает одну мне – и в нос ударяют резкие алкогольные пары.

- Что это? Я не пью, - отшатываюсь от вони, передергивая плечами.

- Лекарство, - лениво роняет и опустошает свою кружку залпом.

Даже не морщится!

Так и знала, что этот таксист – еще и алкоголик. Осталось дожидаться, пока он начнет обращаться ко мне «мадемуазель» и звать замуж.

Глава 8

- Я не буду, - упрямо поджимаю губы.

В следующую секунду чихаю прямо в чашку. Рука Яра дергается, и несколько капель неопознанной жидкости выплескиваются ему на предплечье. Утробно прохрипев, он свободной рукой подцепляет мой подбородок, чтобы я не отворачивалась.

Неужели силой заливать станет?

- Надо, Тая, надо.

- Может, у вас тут принято пить всякую дрянь и иммунитет выработался, но у меня организм слабый, - сопротивляюсь, а он пальцами сжимает мои щеки. - Вдруг мы отравимся? – пыхчу невнятно.

- Я даже не знаю, что меня больше пугает: риск умереть с тобой в один день или попытка выжить в твоей компании до утра. Боюсь, при любом раскладе меня придется отпевать.

- Сами глотайте свою бражку! – быю его по запястью. - Судя по запаху, вам после нее потребуется не священник, а врач-инфекционист. Если что, туалет на улице, - ехидно возвращаю его же фразу.

- Пей, не вредничай, - отдает мне кружку, которую я добровольно принимаю. Я привыкла к давлению Яра, поэтому когда он перестает напирать, я теряю сцепление и, наоборот, подчиняюсь. - Тихон сам делает настойки от всех болезней.

Он у нас вроде местного знахаря

- Что? Боже, куда я попала, - причитаю, заглядывая в омут мутной зелено-коричневой жидкости, который засасывает меня на дно. - Меня будто в дремучее средневековье на машине времени закинуло...

- Вряд ли, - усмехается он, отступая от меня и даря иллюзию свободы. - Тебя бы там в первые секунды сожгли...

- Из-за внешности? – обижаюсь.

- Из-за дурусти и длинного, острого языка. Да, и отчасти из-за внешности. Красивых баб тогда ведьмами считали, - выплевывает грубо. Вроде бы, и комплимент сделал, но таким тоном, что я не знаю, благодарить или обтекать. Предпочитаю промолчать, будто не заметила. – Так что радуйся, ты еще легко отделалась. Всего лишь искупалась, да и то по собственной глупости, - хмурится, когда я снова чихаю. - Если не хочешь пневмонию подхватить, пей. Профилактика.

Задерживаю дыхание, зажимаю нос и зажмуриваюсь.

Что я делаю?

Здравый смысл машет ручкой на прощание, кукушка улетает, не успев отсчитать мне оставшиеся годы жизни... или минуты... Мысленно помолившись, а я заливаю в себя чертову огненную воду Магаданских индейцев.

Кружка выскальзывает из рук и катится, звякая железом по деревянному полу.

Из глаз брызжут слезы. Горло горит огнем. Ни вдохнуть, ни выдохнуть.

- Запей, что ли, - растерянно тянет Яр, вкладывая в мои трясущиеся руки стакан. – Не думал, что ты вот так... залпом, как заправский алкоголик. А строила из себя...

Похлопывает меня по спине, пока я жадно пью воду, пытаясь погасить пожар внутри.

- Фу, гадость, - первое, что срывается с уст, когда я обретаю дар речи.

- Терпимо.

- Где я могу умыться? – прошу жалобно, но спотыкаюсь о его загадочный, хитрый взгляд. - Только не предлагайте на улице снегом обтереться

- Опередила, - хмыкает и тыльной стороной ладони как бы невзначай смахивает слезы с моих щек. Кожа жжется в местах его прикосновений. - Там за перегородкой. Бери тазик, я тебе воды нагрею.

Пока я размышляю, посмеяться над его шуткой или впасть в глубокую депрессию, он на полном серьезе отходит к камину, ставит железный чайник на некое подобие плиты, подбрасывает дров.

- Не утруждайтесь, обойдусь влажными салфетками, - хватаю пачку из чемодана, а заодно и домашние вещи. - Пожалуй, переоденусь там. Придержите своего зверя и не подглядывайте.

- Чего? – резко оборачивается.

- Гайку заберите, я ее побаиваюсь, - повторяю, опуская конец просьбы.

- Это взаимно, - смеется он, подзывая белку. Она дрессированная, как в цирке. - Дуй давай. Постарайся не натворить ничего.

Некоторое время заворуженно наблюдаю, как Йети с Гайкой на плече готовит чай и разогревает консервы. Сервирует нехитрый ужин прямо на полу у камина, возле медвежьей шкуры. На секунду мне кажется, что я сильно пострадала на озере – и все, что мне мерещится сейчас, не более чем бред. Утром я проснусь в больничной палате, меня осмотрят квалифицированные врачи – и вылечат. А пока что... Досмотрю этот страшный сон.

Ныряю за перегородку. Остаюсь одна в крохотном пространстве, облакачиваюсь о шершавую, неровную стену из бревен и чувствую, как меня ведет. Зря я пила. Очень зря.

- Та-а-ая, ты там уснула стоя? – бархатно зовет Яр, а я вдруг понимаю, что уже несколько минут стою, прижавшись к бревнам, будто язычница, поклоняющаяся деревянному идолу, и смотрю в одну точку. - Лечь в том закутке, мягко говоря, проблематично, особенно такой принцессе на горошине, как ты... Тая! – гаркает так, что я подскакиваю на месте.

- Не-а-а...

Встреппенувшись, я стягиваю с себя два свитера, в которые упаковал меня суровый Яр, безжалостно топчу джинсы, путаюсь в прилипших к коже колготкам. Я как капуста, решившая самостоятельно подготовить себя к голубцам. Снимаю одежду по листику – и это невероятно муторно.

С меня несколько потов сходит, прежде чем я наконец остаюсь в белье. Вспоминаю, как небрежно Йети скомкал эти самые трусики, что сейчас на мне, закинул прямо в салон внедорожника, где я переодевалась, и снова злюсь.

Мужлан бестактный!

- Уф-ф!

Шумно вздохнув и смахнув испарину со лба, тянусь за махровой туникой, которую оставила на небольшой табуретке в углу. В полумраке цепляю что-то – и раздается такой грохот, будто посудная лавка взорвалась. Откуда-то сбоку на меня падает тазик, которым пугал меня Яр.

Значит, не шутил...

- Тая! Да чтоб тебя!..

Пячусь назад, спотыкаюсь о ковшик. Не замечаю, как перегородка заканчивается – и я во всей красе предстаю перед опешившим Яром. Точнее, сначала его поприветствовала моя пятая точка, потому что отступала я, согнувшись, чтобы больше ничего мне в голову не прилетело. Затем разворачиваюсь я сама.

Встречаемся взглядами. Мой растерян, его – медленно соскальзывает по моему телу вниз, а потом так же тягуче поднимается к лицу.

- Помощь нужна? – хрипло, почти шепотом.

- Нет уж, спасибо, - фыркаю в панике, неловко прикрываясь руками.

- Закаляешься?

Он возвращается на медвежью шкуру, садится по-турецки и, не сводя с меня глаз, пьет настойку прямо из бутылки из темного стекла. Жадно, как воду. Если она и правда целебная, то Яр собирается стать бессмертным.

- Кхм-м...

— Если я ляпнул что-то вроде: «Чувствуй себя как дома», то я не совсем это имел в виду. Впрочем... Кто я такой, чтобы осуждать манеры столичных жителей, - тянет со смешком, делает еще глоток.

Вижу, как дергается его кадык. Залипаю на нем, будто это какое-то произведение деревенского искусства. Снова отключаюсь на доли секунды.

Легкий сквозняк обдает живот – и я осознаю, что все еще позирую посередине избушки, как модель брендового белья, угодившая в Китай. Ухожу с «подиума», сгорая от стыда, как будто провалила показ, а единственный зритель забухал с горя.

Выглядываю только после того, как полностью прячусь в длинную тунику. В пушистых носках на цыпочках бреду мимо Яра, который уставился на огонь и размышляет о чем-то. Вокруг сушатся наши вещи, намокшие в озере. Он даже об этом позаботился. Хороший Йети, жаль, что дикий...

Почти добираюсь до дивана, как в спину – или сильно ниже – летит приказ:

- Сюда иди!

- Что? – оборачиваюсь.

Он похлопывает по шкуре рядом с собой. Приглашает, вальяжно расставив ноги...

- У камина теплее, да и поужинать тебе не помешает, - двигается, чтобы освободить мне больше места. – Правда, Тихон нам ни устриц, ни черной икры не оставил. Не обес-судь...

- Я не ем морепродукты, - машинально отвечаю, однако вопреки здравому смыслу, шагаю ближе. И еще...

Ступаю на бурую медвежью шерсть, которая совсем не выглядит комфортной. Переминаюсь с ноги на ногу, привлекая к себе лишнее внимание Яра. Он цыкает недовольно, застилав пледом мою половину, дает мне еще один в руки.

- Садись уже, я не кусаюсь. Я делаю больно иначе, - ухмыляется, когда я испуганно икаю, -... но не девушкам, - добавляет негромко.

Я молча свожу брови, оцениваю риски – и не спешу к нему приближаться. Подозрительный... Однако стоять все тяжелее, когда ноги подкашиваются, а тело обмякает и хочет при-лечь.

- Свинину я тоже не ем, - зевнув, я киваю на разогретую тушенку в жестяных банках.

- Религия не позволяет? – смеется Яр, накалывает кусок мяса и упрямо протягивает мне. – Попробуй, это не хрюшка.

Вздергиваю кончик носа, принохиваюсь. Пахнет аппетитно, говядиной... В желудке призывно урчит, и я покоряюсь зову организма. Аккуратно снимаю губами мясо с прибора,

настороженно пережевываю, одобрительно хмыкаю.

- Это оленина, - уточняет Яр, и лучше бы он этого не делал.

Надрывно закашлявшись, до слез на глазах, я падаю рядом с ним на колени и хватаю кружку. Обжигаюсь. Дую на кипяток, пью маленькими глоточками.

- Что за чай? – сиплю, с трудом отдышавшись. - Он немного подванивает...

- Не придирайся, я добавил туда настойку. Считай, глинтвейн. Полезно.

- Вы меня спаиваете?

- А смысл? Ты и без градуса весь вечер раздеваешься. То на озере, то в машине, то теперь и дома, - он издевается, однако при этом заботливо подает мне жестянку с оленим. - Закусывай, эксгибиционистка.

Аромат тушенки по-прежнему манит – и я позорно сдаюсь. С жадностью запихиваю в себя мясо, словно голодала несколько дней.

- Удивительно, но это очень вкусно, - бубню с набитым ртом. Запиваю алкогольным чаем и кутаюсь в колючий плед.

Жар приливает к лицу, кровь кипит в венах, тело обволакивает сладкой негой.

Хорошо-то как...

- Запомни этот момент, - тоном мудреца произносит Владимирович и взмахивает пальцем перед моим носом. – Пометь красным сегодняшнюю дату в календаре. День, когда

ты почти стала нормальным человеком... Но эффект вряд ли долго продержится.

Хриплый мужской смех касается слуха, прокатывается волной мурашек по холке, играет на позвонках, как на клавишах пианино, отдается легким покалыванием в груди. Вместо того чтобы обижаться, я блаженно улыбаюсь.

- Не знаю, за что вы меня ненавидите, но сейчас я обожаю весь мир, и даже вас, - шутливо бросаю, импульсивно чмокнув его в щеку. Колется немного. Щекотно не только губам, но и внизу живота...

- Ешь, - чеканит он строго, отшатываясь от меня, как от прокаженной.

Откупоривает очередную склянку с волшебным зельем Тихона. Покосившись на пол, я хочу посмотреть, какую по счету, но в глазах двоится и плывет.

- Вам разве не хватит? Пойду-ка я на диван...

Он недовольно отмахивается, а я в жалкой попытке встать теряю равновесие, будто меня качает на корабле в девятибалльный шторм. Чуть не заваливаюсь набок, но Яр вовремя придерживает меня за локоть. Дергает на себя – и я послушно ныряю в его объятия.

- Вы такой большой и теплый, как печка, - лепечу заплетаящимся языком. – Можно я погреюсь? Только не приставайте! Иначе мой отец вас кастрирует, - выпаливаю дерзко, а сама ласковой кошечкой лгну к его груди. Прижимаюсь щекой. Стук сердца слушаю и успокаиваюсь, как от ударов мет-

ронома.

Горячо. Уютно. Мягко.

Глаза закрываются от удовольствия.

- Да не трону я тебя, - так же невнятно обещает Яр и обнимает меня за плечи.

Консенсус достигнут. Обе стороны удовлетворены, но...

Почему мы целуемся? И это вкуснее, чем оленина.

Сладко, мягко, до дрожи в коленках и бабочек в животе.

Стоп! Красная линия! Мы же так не договаривались...

Но я отчетливо чувствую его губы на своих... Кажется, отвечаю. Или теперь уже я инициатор?

Домик кружится, а мы оказываемся в эпицентре водоворота. Нас закручивает в вихре поцелуя.

- Таюш-ш-ш, - шипит змей-искуситель, и я таю в его руках.

Глава 9

Просыпаюсь от стойкого ощущения, что под ухом жирные бобры грызут дерево. Звуки настолько громкие, четкие и чавкающие, что не могут мне мерещиться. Пока вокруг меня не построили плотину, я приоткрываю один глаз, будто подмигиваю, потом второй.

Насупив брови, пересекаюсь взглядами с... белкой, что сидит на моей подушке. Она замирает с грецким орешком в лапках, прекращает жевать. Я тоже на всякий случай не шевелюсь. Некоторое время смотрим друг на друга и не моргаем, будто играем в гляделки.

- Я-а-а-р! – зовут тихо и протяжно, не разрывая нашего зрительного контакта.

Гайка бросает в меня орех, то ли желая задобрить, то ли накормить, то ли рот мне заткнуть... Я инстинктивно зажмуриваюсь, а она разворачивается ко мне пушистым задом и, хлестнув по лицу хвостом, сбегает.

- И тебе доброе утро, - бурчу без энтузиазма, перекатываясь на спину и столбенею, уставившись в потолок.

Что произошло этой ночью?

Я пытаюсь восстановить нить событий, но мысли путаются. На медвежьей шкуре невероятно твердо и неудобно. Под пледом холодно. Огонь в камине погас, угольки едва тлеют.

«Принцесса на горошине», - шелестит в сознании.

Однако в таких спартанских условиях я умудрилась проспать до утра. Видимо, анестезия в виде настойки смягчила неприятные ощущения. Только побочные эффекты у нее убийственные. Голова раскалывается, в горле першит, как если бы я в караоке несколько часов подряд орала, нос заложен, тело ломит, словно меня в ледяной проруби по доске для стирки елозили. Я помята и разбита, а еще живот тянет – застудила в озере.

Официально заявляю: это была самая ужасная ночь за все мои девятнадцать лет! Чудо, что я вообще выжила, лишь отделалась легким испугом.

Вроде бы, вчера ничего непоправимого не случилось, кроме... поцелуя с таксистом.

Кстати, где он?

- Яр? – нервно сглатываю, приподнимаясь на локтях.

Проснуться в объятиях первого встречного и не помнить, что было между нами, – одна из моих фобий. На такое способны только девушки с низкой социальной ответственностью, а у меня строгое воспитание и нерушимые принципы.

- Только не я. Только не с ним, - повторяю, как мантру.

Ощупываю себя, потом с опаской осматриваюсь вокруг.

На мне по-прежнему туника, в которую я переделалась перед сном, правда, вывернута наизнанку... Но это мелочи. Главное, что поблизости – никого.

Не успев выдохнуть с облегчением, я опять напрягаюсь...

Где его черти носят? Он же не мог уехать, оставив меня

здесь одну? Хотя от него чего угодно ожидать можно!

- Ярослав! – рывкаю в панике, откидываю плед. – Владимирovich!

Судорожно натягиваю джинсы прямо под тунику. Руки трясутся то ли от страха, то ли от холода. Накидываю тулуп Яра, забыв о безгливости.

Странно... Йети раздетый от меня сбежал? Может, ему в туалет приспичило? После настойки с олениной – закономерный исход... Или он за дровами для камина вышел?

В моей голове роятся здравые мысли, но ни одна не в состоянии угнаться за мной. Я быстрее, особенно когда боюсь.

Распахиваю дверь, а путь мне преграждает огромная мрачная фигура, занимающая весь проем.

Хагрид, вышедший из волшебного леса.

Первое, что бросается в глаза, - мощные лапы, облаченные в черные шерстяные перчатки. Левая зловеще сжимает капкан, а правая... вдруг тянется ко мне.

- А-а-а! По-мо-ги-те!

Я кричу что есть мочи, как выдернутая из земли мандрагора. Сама чуть не глохну от собственного голоса. Широкая ладонь затыкает мне рот – и я, пикнув на прощание, теряю связь с реальностью.

Пробуждение. Дубль второй. Надеюсь, удачный.

- Таюш-ш-ш, - хриплый шепот ласкает слух.

Улыбаюсь, не открывая глаз. Легкий ветерок проносится по коже, я вздрагиваю, будто по самым эрогенным зонам невесомо ведут перышком. В нос проникают запахи древесной стружки, зимнего леса и... настоящего дикаря. Смутные ассоциации будоражат кровь.

Если это сон, то мне не хочется просыпаться. Но лица кажется неровное, жаркое дыхание, на щеку ложится ладонь, а после - вдруг шлепает небрежно.

От неожиданности и искреннего шока я судорожно хватаю губами воздух.

- Воронцова! – гремит строго, как в армии. – Я тебя от силы минут на пятнадцать оставил! Ты чего буянишь и на хозяина орешь?

- Какого... - сипло произношу, проталкивая колющий комок в воспаленном горле, - хозяина, - с трудом заканчиваю и кашляю, чувствуя, как все внутри колет и дерет.

Глаза снова закрываются и горят, будто в них битого стекла насыпали.

- Таисия!

Меня небрежно трясут за плечи, как тряпичную куклу, и я задыхаюсь от возмущения. Нахожу в себе силы прийти в себя и, собрав волю в кулак, отбиться от навязчивых, хоть и приятных, мужских прикосновений.

- Хватит на меня голос повышать, - фыркаю растерявшегося Яру в лицо.

Инстинктивно хватаюсь за его одежду, заглядываю за спи-

ну, но никакого Хагрида поблизости не вижу. Протяжно выдыхаю. Наверное, приснился кошмар, ведь сейчас я сижу на диване в тунике, а ноги прикрыты пледом. Ни тулупа, ни великана - только Йети напротив.

— И вообще, ты где был?

- Ничего себе заявочка, - ехидно выпаливает он, выгибая бровь. — Еще даже не жена, а пилишь профессионально. Тебе детальный отчет или общий? Алиби мне могут обеспечить разве что медведи...

- Не смешно, - нервно сглатываю. — Я испугалась.

Черты его лица смягчаются, кривая, насмешливая ухмылка превращается в добрую улыбку. Таким Яр мне нравится больше, и я сама невольно тяну уголки губ вверх. Почти сразу же осекаю себя, возвращаю с небес на землю, в грязную сторожку, и принимаю надменный вид. Не хватало еще с магаданским таксистом флиртовать.

- Под утро огонь в камине погас, а я пропустил этот момент, - объясняет он без сарказма, и это непривычно. — Когда проснулся, была такая холодрыга, что зуб на зуб не попадал. Пришлось идти за дровами, - кивает на связку, брошенную рядом с медвежьей шкурой. - Ты не замерзла? — тихо уточняет, заправляя прядь волос мне за ухо.

Такой порыв заботы и нежности от Йети меня напрягает. Когда мы успели сблизиться настолько, что он интересуется моим самочувствием и беспрепятственно трогает меня, как и где ему вздумается? Не останавливается. Проводит тыль-

ной стороной ладони по щеке, опускает лапу на плечо, большим пальцем поглаживает выпирающую ключицу.

Убираю с себя его руку.

Хмурится.

Неудобный вопрос крутится на языке, но я никак не решаюсь задать его вслух. Боюсь, ответ мне не понравится. По привычке включаю защитную реакцию.

- Слушайте, если мы и поцеловались вчера по пьяни, то это не дает вам права меня лапать, - демонстративно отрываюсь, стараясь не смотреть, как ожесточается его лицо. - Ничего же не было? – одними губами.

- Если честно, я сам не... - неопределенно почесывает бровь. Споткнувшись о мой напряженный взгляд, равнодушно выпаливает: - Ничего не было.

Резко подсакивает на ноги, нависает надо мной и давит своей тенью. Шипит и пыхтит, как древний паровоз. Испепеляет меня потемневшим взглядом, скрестив руки на мощной груди.

Шестое чувство и пятая точка подсказывают мне, что сейчас самое время остановиться и заткнуться. Нельзя доводить злого мужика до белого каления, это чревато последствиями. Но язык – мой враг, а натянутые нервы – худший советчик.

- Вот и хорошо! Мне не нужны лишние сплетни, тем более на объекте, который инвестирует мой отец, и где у меня скоро состоится свадьба. Давайте я заплачу вам за молчание? –

предлагаю неожиданно для самой себя.

Взятки и откаты правят миром, но я попала в какую-то другую вселенную.

Блондин темнеет на глазах. Не знаю, как это возможно, но он действительно становится мрачнее грозовой тучи. Того и гляди – шарахнет.

- Давай ты лучше засунешь свои деньги себе...

- Как там твоя гостья, Ярослав Владимирович? – раздаётся гром над головой. - Очнулась?

Оборачиваюсь к двери. Очень медленно, как в триллере, но вместо маньяка обнаруживаю за спиной бородатого великана. Значит, не привиделся...

- Боже-е...

Мысленно перекрестившись, я на мгновение зажмуриваюсь, чтобы отогнать жуткое привидение. Но когда я открываю глаза – оно по-прежнему на месте. Живее всех живых. Шоркает растоптанными сапогами по деревянному полу, тащит что-то железное за собой на цепи.

- Тихон, да что вы с этим капканом носите? – усмехается Яр, спрятав руки в карманы. - Где вы вообще его взяли?

- У браконьеров забрал, чтобы не баловались в моем лесу, - бросает возле камина. Оттряхивает руки, поворачивается ко мне. - Утро доброе!

Впечатываюсь спиной в диван. Затравленным зверьком смотрю на обоих мужчин, которые склоняются надо мной, будто проводят консилиум психиатров. Я и правда начинаю

чувствовать себя сумасшедшей.

Чем дальше в лес, тем толще партизаны, точнее, его ска-
зочные обитатели. Один другого страшнее.

- Она у тебя юродивая, Ярослав Владимирович? – на пол-
ном серьезе интересуется Тихон.

- Есть немного, - бросает он мне назло.

- Яр-р! – рычу тихонько и тут же затыкаюсь, вжав голову
в плечи.

- Городская, - поясняет он устало, широко зевает и зака-
тывает глаза, будто я его мучила всю ночь напролет.

- А-а, тогда ясно... - понимающе разводит руками Тихон.
На этот жест тут же реагирует белка. Забирается по его шта-
нам, карабкается по спине, как скалолаз, прыгает на плечо и
тычется носом в густую бороду.

- Отвезете ее на базу? - вежливо просит Яр. - Я пока ваш
внедорожник вытащу из заноса. А то это чудо здесь долго не
протянет, - издевательски подмигивает мне.

Вздрагиваю. Сердце заходится в груди. Взгляд мечется с
Ярослава на Тихона и обратно. Из двух зол я пытаюсь вы-
брать меньшее - и не могу определиться.

Хагрид меня пугает до потери сознания, а Йети хамит и
пытается потерять или утопить меня по пути... Но самое
страшное, что я не могу в глаза ему смотреть после нашей
странной ночи.

- Да чего ж не отвезти, - пожимает плечами лесничий. –
Только пусть пообещает не верещать. Не привык я как-то,

что на меня бабы орут. В тайге вообще всегда тихо, спокойно.

- Понимаю, - тяжело вздыхает Яр. - Похожие ощущения...

- Не буду больше, - бубню хмуро. – Давайте поедем скорее, - подрываюсь с места, мечтая покинуть эту жуткую избушку и попрощаться с наглым водителем. - Мне нужно к Салтыкову, он меня со вчерашнего вечера ждет.

- К кому? Н-но ведь...

Лесничий смотрит на меня, как на пациентку психбольницы, почесывает бороду, сводит густые брови к переносице и трогает подбородок так, будто придерживает упавшую от удивления челюсть. Промычав что-то невразумительное, вопросительно косится на Яра.

- Вы правильно расслышали, Тихон, доставьте столичную принцессу к боссу, - тараторит тот. Кажется, нервничает. - Только сначала ей гостевой домик покажите, пусть в порядок себя приведет. А еще попросите девчат из ресторана завтрак соорудить и прямо в номер отнести, иначе она по дороге опять куда-нибудь вляпается. Ближе к обеду – в кабинет ее, а там... по ситуации, - обреченно вздыхает.

- Как скажешь, Ярослав Владимирович, - задумчиво тянет Тихон. – Как скажешь...

Окинув нас обоих изучающим взглядом, он хмыкает и молча разворачивается к выходу. Небрежным взмахом огромной руки в перчатке зовет меня, и я с опаской плетусь следом.

На пороге оглядываюсь на Яра. Не знаю, что ожидаю увидеть или услышать от него. Наверное, ничего хорошего... Он машет мне ладонью и ехидно ухмыляется, всем своим видом показывая, что рад скорее избавиться от меня. Были бы шарики, он бы счастливо запустил их в воздух.

Что ж... Это взаимно!

Расправив плечи, я смелее иду к машине лесничего. В пересохших у камина сапогах неудобно, будто они стали на два размера меньше. Снег летит в лицо, ветер пронизывает легкую куртку, и я замерзаю практически сразу. Поскальзываюсь на крыльце, чуть не улетаю в сугроб, благо, Тихон ловит меня за локоть.

- Тай! – с беспокойством зовет Яр. Не оборачиваюсь. Ускоряю шаг, чтобы скорее нырнуть в салон старого авто.
- Чемодан забыла. Тихон, загрузи в багажник, пожалуйста. Плохая примета – вещи оставлять. Не приведи господь, вернется сюда.

Уставившись на заметенную снегом дорогу, даже не смотрю в сторону Йети.

Надеюсь, мы никогда не встретимся. Мне пора возвращаться в цивилизацию, а ему... к белкам.

Глава 10

Горячая пенная ванна с ромашкой после ледяной проруби – это особый кайф. Я откидываюсь затылком на бортик, прикрываю глаза и блаженно улыбаюсь, чувствуя, как вода ласкает усталое, ломящее тело.

Я почти в раю, если бы не нюанс – женские дни, которые пришли раньше срока. Наверное, мой организм сбоит от стресса – и я его не осуждаю. Мы слишком много пережили за эту ночь. Испачканная одежда крутится на самой низкой температуре в стиральной машинке. Звук барабана убаюкивает.

Цивилизация! Как мне тебя не хватало!

Даю себе еще несколько минут, чтобы понежиться в целебном тепле, и спускаю воду. Сполоснувшись под душем, кутаюсь в пушистый халат, который взяла из дома. Я не надеялась на сервис пятизвездочного отеля, поэтому все предусмотрела заранее, вплоть до полотенец.

Впрочем, следует признать, мне выделили очень уютный домик. Небольшой, но чистый и теплый, что в условиях местной суровой зимы немаловажно. Здесь всего одна спальня, большая кухня-гостиная и отдельные туалет с ванной. В тесноте да не в обиде. Главный плюс – на ухом не зудит Йети, пытаюсь больше уколоть меня и поиздеваться всласть.

- Таисия Власовна? – доносится из небольшого коридор-

чика, и я, нырнув на ходу в тапки, бреду на звук. – У вас открыто...

- Я не разобралась с замком, - признаюсь, встретив на пороге девушку с термосумкой, будто из службы доставки. – Здравствуйте, - вежливо улыбаюсь ей, украдкой втягивая носом запахи еды.

Надеюсь, это одна из тех «девчат» из ресторана, о которых говорили Яр и Тихон, и она пришла не с пустыми руками. У меня сосет под ложечкой, а голод оказывается сильнее гордости и каких-то глупых капризов. Я в таком состоянии, что готова убить за чашечку кофе и круассан.

- Не порядок, - хмурится незнакомка, спуская на пол сумку, которую я провожаю жадным взглядом. – Сейчас разберемся, - дергает защелку. - Вы закрывайтесь обязательно, иначе какой-нибудь зверек заберется или кто-то из лыжников номер перепутает. У нас всякое бывает. Босс приказал за вами проследить.

- Салтыков? Он уже на базе?

- Да, но вы не торопитесь. Раньше обед он вас не ждет. Отдыхайте, - успокаивает меня с улыбкой. – Я Инга, официантка из иглу, - представляется, делая неопределенный жест рукой, и тут же спохватывается. – А в сумке ваш завтрак, плавно перетекающий в обед. Надеюсь, выберете себе что-нибудь по душе. Мы старались.

- Конечно. Спасибо большое, - искренне благодарю.

Дышу глубже, пытаюсь насытиться ароматами блюд. Если

бы не воспитание, я бы набросилась на сумку, как дворовая собака, и разорвала бы ее в лохмотья.

Сдерживаюсь. Но силы неравные.

Кажется, проведя ночь с Йети, я и сама одичала. Лишь бы не обратиться в магаданскую дикарку и не завывать на луну. Я на грани.

- И телефон с новой сим-картой, - протягивает мне коробку. - Босс поручил самый дорогой взять, но... что нашли, - виновато пожимает плечами.

- Глупости! Я на любой согласна, лишь бы связь была, - искренне выпаливаю. - Салтыков всегда такой внимательный? Или только к особым гостям?

- Всегда, - широко улыбается она, будто меда наелась. Главное, чтобы нигде у нее не слиплось. - Он у нас очень классный! Добрый, вежливый к персоналу, без короны на голове, как часто бывает у начальства, а еще статный, спортивный, красивый...

- Кхм-кхм, - перебиваю восторженную фанатку кашлем.

Понимаю, что если не остановлю этот поток восхищения, она начнет в любви боссу признаваться и закапает слюной весь пол. Любопытно, что же там за гибрид Робина Гуда и мачо. Не исключено, что он типичный ловелас по типу моего Глеба, однако нас ждут исключительно деловые отношения. Не хочу слушать о его любовных подвигах и героических взятиях официанток.

- Ну, скоро вы сами с ним познакомитесь, - многообеща-

юще произносит Инга и пятится к двери. – Всего доброго. Приятного аппетита, - тараторит, спотыкаясь на пороге. – Закрывайтесь! – напоминает строго.

Поворачиваю защелку, как показала Инга, на всякий случай подпираю дверь табуреткой, опасаясь диких зверей. Сегодня я проснулась с Гайкой, а завтра с кем? Не хочу экспериментировать.

- Уф-ф, - протяжно выдыхаю, будто ящики всю ночь грузила.

Сумка отправляется на стол, а я включаю телефон. Прежде чем расслабиться и позавтракать, звоню папе, который за ночь успел поднять на уши всю лыжную базу. Объясняю ему, что потеряла телефон, разумеется, при этом опускаю подробности, но он и не спрашивает - просто переводит крупную сумму мне на счет.

- Купи новый, - отчеканивает сурово. – И будь на связи, чтобы я не переживал!

- Слушаюсь и повинуюсь, - шутливо выкрикиваю, а потом добавляю тише: - Пап, я люблю тебя.

Отключается, оставив мою фразу без ответа. Он хронически занят. Его время стоит денег. Слишком больших, чтобы тратить на сентиментальные глупости. В последнее время отец с головой зарылся в бумаги, подбивает все дела. На меня не обращает внимания, почти не общается со мной по душам, разве что по поводу учебы, бизнеса или... свадьбы. Папа одержим идеей поскорее сплавить меня Глебу, будто

ему самому надоело возиться с не приспособленной к жизни нахлебницей.

Мы отдалились в этом году особенно сильно, и я не понимаю, чем провинилась перед ним. Зато в финансах он мне по-прежнему не отказывает, словно откупается.

Но есть в этом мире человек, который всегда меня выслушает...

Вздыхнув, по памяти набираю дорогой сердцу номер. По привычке говорю шепотом, будто я дома и меня могут подслушать.

- Привет, мам. Как у вас дела?

- Здравствуй, Таюша, - произносит мама нежно и с любовью, как умеет только она, и сердце вздрагивает.

«Таюш-ш-ш», - звучит в унисон хриплый мужской баритон из моих ночных воспоминаний.

Это ласковое обращение – запрещенный прием, особенно в устах мужчины. Цепляет за живое, выкручивает душу и выбивает воздух из легких. Вчера я сама не заметила, как поддалась слабости. Дезориентированная, уставшая и слегка нетрезвая, я на мгновение увидела в Ярославе не грубого таксиста, а родного человека. Потянулась к нему – и случился поцелуй.

Все потому, что так меня называет только мама.

Как только действие настойки прошло, я ощутила себя дворовым котенком, который тычется в ноги прохожим в поисках тепла, а его пинают брезгливо и бросают обратно в му-

сорку.

Папа... Глеб со своими любовницами... Теперь еще и какой-то левый водитель по мне потоптался. Это уж слишком! Как будто я ходячий силомер с боксерской грушей, а у меня на лбу висит табличка: «Ударь! Заработай баллы».

Нахожу отдушину и умиротворение в добром мамином голосе...

- Ты плачешь опять? - хмуро замечаю, когда она затихает на том конце линии. – Все в порядке?

- Любочке ночью плохо было. Скорую вызывали, - признается тихо.

В груди ноет, живот сводит спазмом. Люба - моя младшая сестра по маме. Я знаю ее только по фотографиям и коротким видео, но все равно искренне беспокоюсь о ней. Малышке всего четыре года, а она не вылезает из болезней. Неправедливо.

- Что врачи говорят? Когда операция?

- Скоро...

- Вам деньги нужны? – догадываюсь я. - Не хватает опять?

- Таюш, не заморачивайся, - лепечет неуверенно. - Неудобно уже просить у тебя...

- Подожди минутку...

В несколько кликов перевожу на ее номер деньги, которые только что прислал мне папа. Обойдусь без нового телефона. Спасибо загадочному Салтыкову, который позаботился о том, чтобы я была на связи.

- Спасибо, Таюша.

- Я очень хочу к вам приехать, - сипло признаюсь.

- Не надо, - чересчур резко осекает меня, потому что боится. - Отец не позволит. Узнает - накажет тебя, и мы больше не сможем созваниваться.

- Я скоро замуж выйду, наконец-то стану свободнее. С мужем будет проще вырваться.

Муж... Я кривлюсь с отвращением и передергиваю плечами, когда перед глазами появляется образ Глеба. За ним паровозиком – длинная вереница баб, с которыми я его успела застать. Танцуют ламбаду. В лабутенах и босиком. А сколько еще тех, о которых я даже не знаю? Какой-то бесконечный детектив с элементами драмы, а не будущая ячейка общества.

- Я всегда мечтала побывать на твоей свадьбе, но не судьба, - вздыхает мама. - Поздравляю, доченька.

- Не с чем, мам. Я его не люблю, - честно выпаливаю. - Это выгодная сделка, которая нужна папе. Но торжество будет шикарным, - горько усмехаюсь.

Показуха и напрасная трата денег, которые лучше было бы потратить на лечение Любоньки.

- Значит, Влас ни капли не изменился за эти годы, - с оттенком злости выплевывает мама. - Твой отец по-прежнему один?

- Официально – да. Не женат, - сдержанно сообщаю. - С кем он спит на стороне – я даже знать не хочу. Я ни одну его

бабу не приму, и он это прекрасно знает.

Ладонь импульсивно сжимается на телефоне, в солнечном сплетении вспыхивает огонь ревности и гнева. Я махровая эгоистка. Мне кажется, если папа приведет кого-нибудь в семью, то обо мне окончательно забудет. Впрочем, разве может быть хуже? Он и так пытается избавиться от меня.

- Я его любила, а он предал меня, заставил сделать аборт и вышвырнул на помойку без гроша, - шипит вдруг она с затаенной обидой.

Я снова провожу параллель с котенком. Однако внутренние противоречия не позволяют сполна проникнуться маминной болью. Не знаю, что произошло между ними в прошлом, но меня корбит от ее пренебрежительного тона. Я не могу ненавидеть родного отца. Не умею... Развод родителей - самое страшное, что может случиться в жизни ребенка. Я нахожусь между двух огней, сгораю дотла на костре их взаимной ненависти. Скоро от меня останется один уголек.

- Не стоит так убиваться, мама. Что было, то прошло, - сдержанно произношу, сохраняя нейтралитет. - У тебя есть Олег и ваша общая дочка Люба. Разве вы не счастливы вместе?

- Ты ревнуешь, Таюш?

Да, я собственница до мозга костей! Но в то же время у меня нет ничего своего в этом мире. Папа отстраненный, у мамы другая семья, жених и вовсе общественный, как женский туалет в городском парке.

- Мам, я люблю и тебя, и сестру. Очень переживаю за ее здоровье.

- И мы тебя. Очень-очень, милая, - пылко повторяет она, как заведенная, и мне приятно в это верить. – Не вздумай ревновать! Знаешь, есть поговорка... На руке пять пальцев. Какой ни порань - одинаково больно. Так и с детьми. Я вас люблю одинаково, - мягко шепчет она, окончательно растопив мое сердце. Молча улыбаюсь, смотря в пустоту перед собой. - Спасибо за фотографии и видеозвонки, иначе я бы так и не узнала, какой красавицей ты у меня выросла. Отец хотел совсем вычеркнуть меня из твоей жизни, будто я умерла.

Мне нечего сказать в его защиту. К сожалению, все так и было... Папа ничего не рассказывал мне о матери. Ни хорошего, ни плохого, как о покойнице. Порвал и сжег все ее снимки, удалил совместные видеоролики, запретил упоминать о ней в семье. Я не знала, почему они развелись и что случилось. Мне было восемь, и я мало что понимала.

Помню, как плакала и не хотела отпускать маму. Потом обиделась... Надолго... А несколько лет назад решила все-таки найти ее и спросить напрямую, почему она меня бросила, как мне внушили. Разумеется, отец был категорически против. Родные и близкие молчали, будто это табу, а моя мать - преступница в розыске.

Чем больше от меня скрывали информацию, тем сильнее я хотела выяснить правду. И выяснила, хоть это оказалось так же больно, как пройти босиком по гвоздям и битому

стеклу.

- Знаю, - киваю сама себе, ведь мама не видит меня, и украдкой смахиваю слезы со щек. - Я рада, что мы нашли друг друга.

- Ты у меня умничка, сама раздобыла мой номер. Я была так счастлива, когда ты мне позвонила. Спасибо богу, недаром я молилась о тебе.

- Если бы папа однажды не прокололся с документами, у меня бы ничего не получилось. Он оставил сейф открытым, где хранилось твое досье.

- Он всегда любил все контролировать. Наверняка следил за мной, чтобы убедиться, что я нахожусь на безопасном расстоянии от тебя. - В теплом мамином голосе вдруг появляются холодные стальные нотки. - Тиран.

- Не надо, мам. Он все-таки мой отец.

- Да, прости, Таюш, - суматошно меняет тон. Повисает неловкая пауза. На фоне слышится детский плач и недовольный мужской бас. - Спасибо за перевод. Любочка зовет.

- Поцелуй ее от меня.

- Обязательно. До связи.

- До встречи, - бросаю твердо.

Не знаю, как и когда, но мы обязательно увидимся. В последнее время это стало смыслом моей жизни. Я пыталась аккуратно поговорить с папой, смягчить его, но каждый раз получала такую волну злости и негатива, что в итоге закрылась и умолкла. Теперь я покорно принимаю все его условия

и исполняю приказы, а сама жду удачного момента, чтобы встретиться с матерью.

Я даже на свадьбу по расчету согласилась, не раздумывая. И на ссылку в проклятый Магадан. Неплохо бы добиться хороших рекомендаций от Салтыкова по итогу практики, чтобы отец наконец-то начал воспринимать меня как взрослого, самостоятельного человека.

- Добрый и без короны, говорите? Замечательно, - улыбаюсь потухшему дисплею недорогого телефона. Я рада ему сильнее, чем последней модели айфона.

Наверное, потому что это забота. Как и завтрак из ресторана.

- Дурной котенок! – ругаю сама себя и отодвигаю сумку. Аппетит пропал, да и фигуру беречь надо, поэтому, не притронувшись к еде, я бегу собираться.

Собственное отражение в зеркале заставляет меня вздрогнуть. Глаза неопознанного цвета припухли от слез, лицо бледное от природы, белоснежные, будто седые, корни волос не вовремя напоминают мне о моей особенности. Наклонив голову, я криво ухмыляюсь.

«Красотка»... В таком виде магаданским боссом манипулировать не получится. Но ничего, сейчас исправим.

Оттеночный бальзам для волос, спрей-краска для корней, стойкий макияж – и вот уже на меня смотрит совершенно другая девушка, симпатичная, уверенная в себе и... нормальная! Лишь сиреневые радужки выбиваются из образа.

«Глаза у тебя красивые, зря прячешь», - врывается в сознание будоражащий кровь шепот.

Вставляю темно-синие линзы, будто ему назло. Теперь все идеально!

Четко к назначенному времени я оказываюсь возле небольшого, понурого здания, которое сложно назвать офисом. Однако я уже ничему не удивляюсь.

- Проходите, Таисия Власовна. – Немолодая, но безумно приятная женщина вежливо пропускает меня в кабинет босса.

Дверь захлопывается за моей спиной, а я смущенно переминаюсь с ноги на ногу, осматривая тесное помещение. Взгляд упирается в темную фигуру мужчины у окна. Не узнаю его со спины. Чтобы привлечь к себе внимание, бодро и громко здороваюсь:

- Добрый день, а вы?..

Не успеваю договорить, как он оборачивается.

Глава 11

На холеном лице расплывается улыбка Чеширского кота, глаза лукаво прищуриваются, устремляясь на меня. Небрежным жестом поправив пиджак, мужчина прячет руки в карманы брюк и вальяжно шагает ко мне. Вид у него официально-деловой, но в то же время расхлябанный, будто хулигана по духу насильно упаковали в строгий костюм.

- Высоцкий, - самодовольно ухмыляется он, - Арсений Геннадьевич. Из центрального офиса, - лениво представляется, давая мне время перебрать в голове

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.